

ПУЛЬС
— МЕЖДУ —
МИРАМИ

МИРА КЭЙ

— 1 —

Мира Кэй

Пульс между мирами

«Автор»

2026

Кэй М.

Пульс между мирами / М. Кэй — «Автор», 2026

Высший маг-целитель Аэран погибает в своём мире и пробуждается в теле молодого хирурга. Осваивая современную медицину и скрывая магические способности, он встречает любовь и обретает необычного фамильяра. Но тайна обмена телами связывает два мира — и однажды потребует сделать решающий выбор.

© Кэй М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Последнее исцеление	5
Глава 2. Второй пульс	13
Глава 3. Человек, который выжил	20
Глава 4. Квартира незнакомца	29
Глава 5. Магия без заклинаний	40
Глава 6. Возвращение в белом	50
Глава 7. Неудобная пациентка	58
Глава 8. Они создали магию сами	66
Глава 9. Запах горячего железа	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Мира Кэй

Пульс между мирами

Глава 1. Последнее исцеление

Человек на столе умирал неправильно.

Аэран Тальвейн понял это прежде, чем коснулся его.

Смерть имела множество лиц. Иногда она подступала медленно, терпеливо вытесняя тепло из рук и ног. Иногда обрушивалась сразу — вместе с остановившимся сердцем, разорванной артерией или клинком, вошедшим между рёбер. Целители Палаты учились узнавать её приближение так же легко, как моряки различали перемену ветра.

Но сейчас смерть не приближалась.

Она уже находилась внутри.

Пряталась под кожей наследника престола, вплеталась в его кровь и осторожно подбиралась к сердцу.

— Когда его привезли? — спросил Аэран, снимая дорожный плащ.

— Девятнадцать минут назад, магистр, — ответила младшая целительница. — Возможно, двадцать.

— Возможно?

Девушка побледнела.

— В западной башне остановились часы.

— Тогда найдите другие.

Аэран не повысил голоса, но двое помощников тут же бросились выполнять распоряжение.

Огромный зал королевской Палаты исцеления был залит белым светом. Под высоким куполом медленно вращались семь хрустальных сфер. Каждая из них поддерживала очищающее поле, не позволяя ядам и болезнетворной магии выйти за пределы лечебного круга.

На мраморном столе лежал принц Равель.

Ещё утром он присутствовал на заседании Совета. Днём отправился осматривать городские укрепления. А вечером его доставили сюда без сознания, с едва заметным следом от укола на шее.

Кожа принца приобрела сероватый оттенок. Дыхание стало поверхностным, между вдохами возникали слишком длинные паузы. На виске подрагивала синяя жилка.

Вокруг стола уже собрались лучшие целители столицы. Никто не решался начать.

И правильно делали.

Одно неверное воздействие — и яд мгновенно достиг бы сердца.

Аэран закатал рукава рубашки и протянул ладонь над грудью пациента. Не касаясь тела, медленно провёл рукой от ключиц до живота.

Внешне ничего не произошло.

Но перед внутренним зрением магистра человеческое тело раскрылось сложной сетью светящихся потоков. Золотистые нити жизненной силы пересекались, ветвились, соединяли сердце с лёгкими, мозг — с органами чувств, мышцы — с управляющими центрами.

В норме эти потоки двигались ритмично.

Сейчас между ними расплзалось нечто чёрное.

Не пятно и не тень. Скорее отсутствие света — тонкие пустые нити, которые оплетали сосуды и медленно стягивались вокруг сердца.

Аэран задержал дыхание.

— Не трогайте его магией, — произнёс он.

— Но мы и не трогали, — поспешно заверил старший помощник.

— Я обращался не к вам.

В дверях стоял магистр Мериан Корваль.

Он вошёл так бесшумно, что никто не заметил его появления. Высокий, худой, неизменно безупречный, в сером одеянии члена Совета. Серебряные волосы были собраны на затылке, на груди сиял знак Первой палаты.

Мериан посмотрел на принца.

— Значит, всё настолько плохо?

— Хуже.

— Что за яд?

— Пока не знаю.

По залу прошёл едва слышный ропот.

Аэран не обернулся. Он знал, какое впечатление произвели его слова. Высший магистр целительской магии редко признавал, что чего-то не знает.

Поэтому ему доверяли.

— Он немагический? — спросил Мериан.

— Я не сказал этого.

— Тогда что вы сказали?

Аэран снова провёл ладонью над телом принца.

Чёрные нити отозвались на движение силы. Они дрогнули и на мгновение повернулись к его руке, словно живые существа, почуявшие тепло.

— Он питается магией, — ответил Аэран. — Чем сильнее мы попытаемся выжечь его, тем быстрее он распространится.

Один из помощников отступил от стола.

— Такое возможно?

— Вы видите перед собой доказательство.

Мериан приблизился.

— Давно ли вы сталкивались с подобным?

— Никогда.

Это слово прозвучало ещё тяжелее предыдущего.

Аэран опустил руку и посмотрел на бледное лицо наследника. Равель был слишком молод, чтобы так неподвижно лежать на каменном столе. Двадцать три года. Упрямый, вспыльчивый, не умеющий проигрывать в шахматы и потому постоянно обвиняющий противников в жульничестве.

Три месяца назад он привёл в Палату раненого уличного пса и потребовал лечить его «как важного представителя короны».

Аэран спас пса.

Теперь предстояло спасти хозяина.

— Подготовьте большой круг, — приказал он. — Семь опор. Двойная защита. Очищенные кристаллы — только из запечатанного хранилища.

— Вы собираетесь извлечь яд? — спросил Мериан.

— Я собираюсь отделить его от жизненных потоков.

— Вы только что сказали, что магия его питает.

— Именно поэтому обычное извлечение невозможно.

Аэран посмотрел на старшего помощника.

— Лиор, принесите иглы из чёрного серебра. Двенадцать штук. И раствор лунного корня.

— Он замедлит сердце.

— В этом и смысл.

— Но пульс уже...

— Я слышу его пульс.

Лиор замолчал и побежал к шкафам.

Аэран положил два пальца на шею пациента. Сердце билось неровно, слабо, но продолжало бороться. Яд ещё не завершил свою работу.

Время оставалось.

Немного.

— Магистр Тальвейн, — тихо произнёс Мериан, — король требует сообщать ему о каждом изменении.

— Сообщите, что его сын жив.

— Это всё?

— Пока да.

— А если...

Аэран поднял глаза.

— Если он умрёт, вы услышите колокола.

Мериан поджал губы. Несколько мгновений мужчины смотрели друг на друга, затем член Совета слегка склонил голову.

— Я распоряжусь подготовить защиту.

— Круг должен проверить хранитель печатей.

— Разумеется.

— И я проверю его после.

На лице Мериана появилась тонкая улыбка.

— Вы никогда никому не доверяете, Аэран.

— Я доверяю тем, кто не обижается на проверку.

Мериан ушёл.

В зале снова стало тихо.

— Закройте двери, — приказал Аэран. — Начинаем.

Через четверть часа лечебный стол окружали семь кристаллических опор. Между ними тянулись серебряные линии защитного круга. По мраморному полу пробегали знаки, каждый из которых удерживал отдельный слой плетения.

Аэран медленно обошёл круг.

Первая опора отвечала за дыхание.

Вторая — за кровь.

Третья поддерживала сердце.

Четвёртая защищала разум.

Пятая принимала избыток силы.

Шестая не позволяла чужой магии покинуть пределы круга.

Седьмая связывала всю конструкцию воедино.

Руны были нанесены безупречно.

Почти.

Аэран остановился возле пятой опоры.

Ему показалось, что нижний знак слегка смещён. Совсем немного — не больше толщины волоса. Он присел, коснулся линии и пропустил через неё слабый импульс.

Кристалл ответил ровным свечением.

— Кто устанавливал пятую опору? — спросил он.

— Хранитель Эммар, — ответила младшая целительница. — Потом её проверил магистр Корваль.

Аэран снова посмотрел на знак.

Теперь он казался правильным.

Усталость, решил магистр.

Последние две недели выдались тяжёлыми. Лихорадка в южных кварталах, обрушение моста, десятки раненых. Он спал не больше трёх часов в сутки и дважды забывал поесть.

Когда всё закончится, он возьмёт несколько дней отдыха.

Эта мысль показалась настолько нелепой, что Аэран едва не усмехнулся.

— Магистр? — окликнул Лиор.

— Продолжаем.

Двенадцать игл из чёрного серебра вошли под кожу принца в точках пересечения жизненных потоков. На каждую Аэран нанёс крошечную удерживающую печать.

Тело Равеля выгнулось.

— Держите его!

Помощники прижали пациента к столу. Кто-то неуверенно потянулся к обезболивающему заклиниванию.

— Не применять силу! — резко остановил его Аэран. — Только раствор.

Лиор поднёс к губам принца хрустальную трубку. Несколько капель лунного корня попали на язык.

Сердце замедлилось.

Чёрные нити внутри тела тоже стали двигаться медленнее.

Аэран закрыл глаза.

Для сложного исцеления зрение лишь мешало. Оно заставляло видеть кожу, кровь, неподвижное тело. Магу требовалось ощущать то, что скрывалось глубже.

Он опустил ладони на грудь принца.

Тепло чужой жизни ударило в пальцы.

Аэран вошёл в поток.

Мир вокруг исчез.

Остались только удары сердца.

Первый.

Слабый.

Второй.

Ещё слабее.

Третий запоздал.

Аэран направил тонкую нить силы вдоль главного потока, не касаясь яда. Чёрная сеть дрогнула.

Она почувствовала его.

— Так, — прошептал он. — Покажись.

Сеть сжалась.

Принц закричал, не приходя в сознание.

Чёрные нити рванулись к сердцу.

Аэран мгновенно перекрыл три потока и направил яд в сторону игл. Серебро потемнело. По залу разнёсся резкий запах горелых трав.

— Четвёртая игла! — приказал он.

— Чернеет!

— Меняйте!

Лиор выдернул иглу и вставил новую. На пол упала капля густой чёрной жидкости. Камень под ней зашипел.

Яд сопротивлялся.

Более того — учился.

Он повторял движения магии, искал слабые места, отступал перед ловушкой и тут же пытался обойти её.

Так не вёл себя ни один известный состав.

Это было не просто отравление.

Кто-то создал его специально для мага-целителя.

Мысль пришла слишком поздно.

Чёрная сеть внезапно отпустила сердце принца и устремилась к рукам Аэрана.

Он разорвал контакт.

Боль вспыхнула в ладонях, поднялась до локтей и исчезла.

На коже остались две тонкие тёмные полосы.

— Магистр! — Лиор шагнул к нему.

— Назад.

— Яд перешёл к вам?

Аэран прислушался к себе.

Собственные потоки оставались чистыми. Тёмные линии на руках медленно бледнели.

— Нет. Он пытался.

— Прерываем? — спросил один из целителей.

— Нет.

— Но если он способен переходить...

— Если мы остановимся, принц не доживёт до рассвета.

Никто больше не спорил.

Аэран восстановил связь осторожнее. Теперь он знал, что яд реагирует не только на силу, но и на намерение целителя. Его создатель хорошо понимал принципы исцеляющей магии.

Слишком хорошо.

Новая мысль оказалась неприятнее первой.

Такое оружие мог создать только один из них.

— Закройте внешний контур, — распорядился Аэран.

Семь опор вспыхнули одновременно.

Серебряные линии на полу поднялись полупрозрачными стенами. Лечебный стол оказался внутри светящейся полусферы.

Аэран начал разделять потоки.

Он не пытался вытянуть яд. Вместо этого создавал вокруг каждой чёрной нити тонкую оболочку из жизненной энергии самого принца. Работа требовала безумной точности. Стоило сделать оболочку слишком плотной — и она перекрыла бы кровоснабжение. Слишком слабой — яд разорвал бы её.

Пот выступил на лбу.

Одна нить.

Вторая.

Пятая.

Десятая.

Их были сотни.

Время потеряло значение. Помощники меняли почерневшие иглы. Лиор следил за сердцем. Кристаллы постепенно мутнели, принимая избыточную силу.

Аэран продолжал.

Наконец последняя чёрная нить оказалась изолирована.

— Сейчас, — выдохнул он. — По моему знаку откройте принимающий контур.

Лиор положил руку на управляющую руну.

— Готов.

— Три. Два. Один.

Контур открылся.

Аэран одновременно сжал все созданные оболочки и потянул их к иглам.

Принц снова выгнулся на столе.

Чёрная сеть начала выходить из его тела.

Медленно, сопротивляясь, она перетекала в серебряные иглы. Те раскалялись и одна за другой трескались, но удерживали яд.

Сердце принца остановилось.

— Магистр!

— Продолжать!

— Сердце не бьётся!

— Я знаю!

Аэран направил часть силы в неподвижную мышцу. Не для исцеления — только для поддержки. Он заставил сердце сократиться.

Один удар.

Ещё один.

Слишком медленно.

Но достаточно.

Последняя чёрная нить покинула тело принца.

— Закрывайте!

Лиор ударил ладонью по руне.

В этот момент пятая опора вспыхнула чёрным светом.

Аэран повернул голову.

Нижний знак, который он проверял перед началом, изменился. Едва заметная линия замкнула два края руны, превращая знак принятия в его зеркальное отражение.

Не принять избыток.

Вернуть.

Вся сила, накопленная кругом за время исцеления, хлынула обратно.

— Разорвать контур! — крикнул Аэран.

Помощники бросились к опорам.

Поздно.

Свет ударил в центр круга. Защитная полусфера не позволила энергии выйти наружу. Мрамор под ногами раскололся.

Аэран почувствовал, как сотни изолированных нитей яда снова оживают внутри серебряных игл.

Если круг разрушится, они вернутся в тело принца.

И выйдут за пределы зала.

Он принял решение раньше, чем успел его обдумать.

— Уведите всех!

— Магистр...

— Немедленно!

Аэран поднял обе руки и перехватил поток.

Сила вошла в него.

Не как огонь — огонь был бы милосерднее. Она заполнила каждую жилу, каждую мышцу, каждую кость. Перед глазами вспыхнул белый свет.

Кто-то схватил его за плечо.

— Аэран, отпустите! — услышал он голос Мериана.

Член Совета снова стоял рядом с кругом. Аэран не видел, когда тот вернулся.

— Если отпущу, яд вырвется, — с трудом произнёс он.

— Опоры не выдержат!

— Поэтому вы должны их разрушить.
Мериан замер.
Всего на мгновение.
Но Аэран заметил эту паузу.
Как заметил и другое: магистр смотрел не на почерневшие кристаллы и не на умирающего принца.
Он смотрел на изменённую руну.
Без удивления.
Словно уже видел её такой.
Боль не позволила удержать мысль.
Поток рвался сквозь тело Аэрана. Он направил его к себе, освобождая защитный круг.
— Разрушайте опоры! — приказал он.
Первый кристалл разбился.
Затем второй.
После третьего давление ослабло. После четвёртого Аэран перестал чувствовать ноги.
Пятая опора сопротивлялась.
Лиор ударил по ней металлическим жезлом. Кристалл треснул, но не разрушился.
— Ещё!
Второй удар.
Трещины расползлись по чёрной поверхности.
Третий.
Опора взорвалась.
В зал хлынул ледяной ветер. Хрустальные сферы под куполом погасли. Аэрана отбросило к лечебному столу.
Он не почувствовал удара.
Тело принца лежало рядом. Серый оттенок исчез с его лица. Сердце билось самостоятельно — слабо, но ровно.
Значит, получилось.
Аэран попытался вдохнуть и не смог.
В груди не было боли. Только странная пустота.
Вокруг двигались люди. Лиор что-то кричал. Младшая целительница плакала, прижимая ладони к его груди. Над ним склонился Мериан.
— Не тратьте силы, — прошептал Аэран.
— Молчите.
Мериан положил руку ему на лоб. Чужая магия попыталась проникнуть в разрушенные потоки и тут же отступила.
— Вы знали, — произнёс Аэран.
— Что?
— Руна...
— Вы бредите.
Возможно.
Слова становились тяжёлыми. Зал медленно отдалялся.
— Принц? — спросил Аэран.
Лиор всхлипнул.
— Жив. Вы спасли его.
Хорошо.
Значит, смерть всё-таки пришла не напрасно.
Аэран закрыл глаза.

Он ждал, что увидит Врата — серебряную дорогу, о которой рассказывали храмовые книги. Или услышит голоса ушедших. Возможно, почувствует страх.

Но не было ни дороги, ни голосов.

Только тишина.

И странное ощущение падения.

Сначала медленного, почти спокойного. Затем пространство вокруг него рванулось, будто невидимая сила протащила душу сквозь слишком узкую щель.

Тишину разорвал далёкий металлический голос.

— Разряд!

Аэран не понял слова.

Что-то ударило его в грудь.

Мир вспыхнул белым.

— Ещё раз! Триста шестьдесят!

Новый удар оказался сильнее.

Где-то в непроглядной темноте дрогнуло сердце.

Не его сердце.

Чужое.

Оно сделало один тяжёлый удар.

Потом второй.

И продолжило биться.

Глава 2. Второй пульс

Боль вернулась раньше света.

Сначала она была далёкой — тупой, разлитой по всему телу. Затем приблизилась, обрела края и разделилась на десятки отдельных ощущений.

Горло словно выскоблили изнутри. Грудь сдавливало при каждом вдохе. В затылке тяжело пульсировало, левая нога горела от бедра до колена, а в правой руке что-то мешало согнуть пальцы.

Аэран попытался вдохнуть глубже.

Воздух вошёл в лёгкие сам.

Не по его воле.

Он замер.

Через мгновение неведомая сила снова заставила грудную клетку подняться. Затем выпустила воздух и повторила движение.

Это не было дыхательной магией. Аэран не чувствовал ни плетения, ни управляющей печати, ни присутствия целителя. Только равномерное давление и чужой ритм, которому тело вынужденно подчинялось.

Он попытался открыть глаза.

Веки не послушались.

Сознание плавало в густом тумане. Мысли возникали медленно, распадались и вновь собирались.

Лечебный зал.

Принц Равель.

Изменённая руна.

Чёрный свет пятой опоры.

Мериан, смотрящий на знак без удивления.

А потом — боль, тишина и голос, выкрикнувший незнакомое слово.

«Разряд».

Аэран вспомнил удар, пронзивший грудь.

Он умер.

Эта мысль была ясной и совершенно бесспорной.

Целитель слишком хорошо знал границу между угасающей жизнью и смертью, чтобы ошибиться. Его потоки разрушились, сердце остановилось, а сознание покинуло тело.

Но сейчас сердце билось.

Часто, неровно, с неприятной тяжестью после каждого удара.

Аэран прислушался.

Рядом звучал равномерный писк.

Короткий сигнал совпадал с каждым сокращением сердца.

Он снова попытался открыть глаза. На этот раз веки дрогнули, пропуская ослепительно белый свет.

Всё вокруг расплылось.

Над ним находился ровный потолок без балок, росписей и световых кристаллов. В белой поверхности были закреплены плоские сияющие панели. Свет исходил из них постоянно, хотя Аэран не чувствовал ни тепла, ни магии.

Он перевёл взгляд в сторону.

Рядом стояла высокая конструкция из металла и прозрачных сосудов. По тонким трубкам двигалась жидкость. На тёмной гладкой пластине вспыхивали зелёные линии и незнакомые знаки.

За спиной что-то тихо шипело.
Грудь снова поднялась сама.
Аэран понял: устройство дышит за него.
Он попытался повернуть голову, и боль взорвалась в затылке. Перед глазами потемнело.
Из горла вырвался хрип, но инородный предмет не позволил издать звук.
Во рту находилась трубка.
Она уходила глубоко внутрь.
Аэран дёрнулся.
Рядом сразу раздались быстрые шаги.
— Максим Андреевич? Вы меня слышите?
Над ним склонилась молодая женщина в голубой одежде. Нижнюю часть её лица закрывала светлая повязка. Тёмные волосы были убраны под странную шапочку.
Аэран попытался спросить, кто она, но трубка не позволила говорить.
— Не пытайтесь вытащить, — сказала женщина. — Это дыхательная трубка. Аппарат помогает вам дышать.
Она говорила на неизвестном языке.
И всё же он понимал каждое слово.
Это открытие потрясло его сильнее, чем непонятные устройства.
Аэран никогда не слышал подобной речи, но смысл возникал в сознании раньше, чем он успевал разобрать звуки. Некоторые слова были чужими, другие отзывались смутным узнаванием.
Дыхательная трубка.
Аппарат.
Помогает.
Знание находилось не в его памяти.
Оно жило где-то глубже — в самом теле.
— Если слышите меня, моргните два раза.
Он моргнул.
Женщина заметно выдохнула и нажала на выпуклую кнопку у кровати.
— Лев Аркадьевич, шестая палата. Воронцов пришёл в сознание.
Голос ответил прямо из стены:
— Иду.
Аэран повернул глаза к потолку.
Ответившего человека там не было.
Значит, устройство передавало голос на расстоянии.
Разум магистра машинально начал искать объяснение. Зеркала связи могли переносить изображение и звук между двумя залами, но для этого требовались парные кристаллы и постоянная подпитка. Здесь же он не ощущал ничего похожего.
В помещение вошёл мужчина лет сорока пяти в такой же голубой одежде. Он приблизился к кровати, посмотрел на светящиеся линии, затем направил Аэрану в глаза небольшой металлический предмет.
Вспыхнул резкий свет.
Аэран вздрогнул.
— Зрачки реагируют, — произнёс мужчина. — Максим, вы меня слышите?
Снова это имя.
Максим.
Возможно, так называлось здешнее положение больного. Или состояние человека, вернувшегося после смерти.
— Пожмите мою руку.

Мужчина вложил пальцы в ладонь Аэрана.

Он попытался сжать их. Правая рука отозвалась слабым движением.

— Хорошо. Теперь левая.

Левая оказалась сильнее.

— Ноги чувствуете?

Аэран едва заметно шевельнул стопами. Левую ногу пронзила боль.

— Не двигайтесь. Перелом зафиксирован. Вы в реанимации. У вас была тяжёлая авария.

Слово «авария» вызвало неожиданный отклик.

Ночная дорога.

Дождь на прозрачной преграде.

Два огненных пятна, стремительно приближающихся слева.

Руки, вцепившиеся в круглое чёрное колесо.

Удар.

Воспоминание исчезло так же внезапно, как появилось.

Аэран уставился на мужчину.

Это видел не он.

— Сейчас аппарат дышит за вас, — продолжал тот. — Не сопротивляйтесь ему. Если показатели останутся стабильными, позже уберём трубку. Понимаете?

Аэран моргнул.

— Как вас зовут? Помните?

Он нахмурился.

Трубка всё равно не позволила бы ответить.

— Точно, — мужчина устало потёр переносицу. — Глупый вопрос. Аида, подготовьте доску.

Женщина принесла белую пластину и вложила в руку Аэрана короткий предмет.

— Можете написать имя?

Пальцы плохо слушались. Аэран попытался вывести первые знаки своего имени.

А.

Линия получилась кривой.

Он добавил вторую.

Символы были знакомыми, но не принадлежали письменности Эларда. Рука сама выбирала движения, которые сознание не успевало осмыслить.

На пластине появилось:

МА...

Аэран остановился.

Он собирался написать «Аэран».

Тело начало писать другое имя.

Женщина и мужчина переглянулись.

— Максим, — подсказала Аида. — Вас зовут Максим Воронцов.

Он медленно опустил руку.

Максим Воронцов.

Имя не принадлежало ни одному народу Эларда, но где-то в глубине сознания отозвалось болью.

Белый халат.

Коридор.

Мужской смех.

Чашка с остывшим напитком.

Чей-то голос:

«Макс, ты домой сегодня вообще собираешься?»

Образы исчезли.

— Хорошо, — сказал мужчина. — Не напрягайтесь. После такой травмы спутанность сознания нормальна. Главное, что вы нас понимаете и выполняете команды.

Он повернулся к женщине:

— Сообщите нейрохирургу. И подготовьте на КТ, если давление позволит.

Ещё одно непонятное слово.

КТ.

Но тело отозвалось и на него.

Белое кольцо. Узкая движущаяся поверхность. Снимки внутренних органов, возникающие на светящемся экране.

Аэран закрыл глаза.

Чужие воспоминания приходили короткими вспышками и тут же рассыпались. Они не складывались в цельную жизнь. Это были движения, запахи, отдельные слова, лица без имён.

Следы прежнего владельца тела.

Самого владельца он не чувствовал.

Аэран осторожно обратился к внутреннему зрению.

Это потребовало усилия. Магия, обычно отзывавшаяся на его волю мгновенно, теперь казалась едва тлеющим угольком. Пространство вокруг было почти пустым. Ни свободных потоков, ни привычного сияния защитных чар, ни естественной энергии земли.

Он никогда не ощущал такой тишины.

Она была страшнее темноты после смерти.

Аэран собрал остаток силы и направил его внутрь.

Тело раскрылось перед ним.

Череп был повреждён, но кости уже соединяла твёрдая чужеродная конструкция. В тканях сохранялся сильный отёк. Два ребра имели трещины. Правое лёгкое работало хуже левого. В ноге находилась длинная металлическая пластина, удерживающая сломанную кость.

В сосудах двигались вещества, которых он не узнавал. Одни подавляли боль, другие влияли на сознание, третьи мешали крови образовывать опасные сгустки.

Всё это было сделано без магии.

Чужие люди разобрали повреждённое тело, остановили кровотечение, соединили кости, заставили лёгкие дышать и вернули сердцу ритм.

Вернули сердце после остановки.

Аэран открыл глаза и посмотрел на аппарат.

Зелёная линия поднималась острым пиком, опускалась и снова поднималась. Устройство не только слышало пульс. Оно каким-то образом показывало работу сердца.

Он хотел рассмотреть его внимательнее, но остатки силы иссякли.

Перед глазами поплыли тёмные круги.

— Давление падает, — сказала Аида.

Мужчина быстро взглянул на приборы.

— Максим, прекратите напрягаться. Слышите меня? Просто лежите.

В тонкой трубке над кроватью что-то щёлкнуло. В вену вошла прохладная жидкость.

Аэран попытался определить её свойства, но сознание снова начало проваливаться.

Последнее, что он услышал, был голос мужчины:

— Не геройствуйте, Воронцов. Один раз уже умерли. На сегодня достаточно.

Когда Аэран очнулся снова, свет в комнате стал мягче.

Дыхательная трубка всё ещё находилась в горле, но теперь он понимал её назначение и не пытался сопротивляться. Аппарат продолжал задавать ритм, однако часть вдохов тело уже делало самостоятельно.

Аида сидела возле стола и что-то записывала. Без маски она казалась моложе. У неё было открытое лицо, тёмные глаза и маленькая родинка возле губы.

Почувствовав взгляд, она подняла голову.

— С возвращением.

Аэран хотел спросить, куда именно он вернулся.

— Давление хорошее, кислорода хватает. Если всё будет так же, скоро попробуем отключить аппарат.

Она подошла и проверила прозрачные сосуды над кроватью.

На груди у неё висела прямоугольная табличка.

Аида Нургалиева. Медицинская сестра отделения реанимации.

Аэран прочитал надпись.

Буквы были чужими, но понятными.

— Узнаёте меня? — спросила она.

Он отрицательно моргнул.

Улыбка исчезла с её лица.

— Я Аида. Мы с вами работаем в одной больнице. Правда, обычно вы приходите сюда с пациентами, а не лежите сами.

Работаем.

Значит, прежний владелец тела был связан с этим местом.

Аида поправила край покрывала.

— Вы нас здорово напугали, Максим Андреевич. Антон Сергеевич третьи сутки почти отсюда не уходит. Сергей Павлович всех врачей замучил вопросами. Даже Роза Сапаровна два раза приходила.

Ни одно имя ничего ему не сказало.

Но при слове «Антон» возникло мимолётное ощущение тепла.

Не воспоминание — доверие, оставшееся в теле.

— Ваш друг сейчас спит в ординаторской, — продолжила Аида. — Мы решили пока не будить. Сначала вас должен посмотреть Лев Аркадьевич.

Аэран закрыл глаза.

Друг.

У этого тела была жизнь.

Работа.

Люди, которые ждали его пробуждения.

И человек по имени Максим, которому всё это принадлежало.

Аэран попробовал найти его снова. Не воспоминания, не привычки тела, а душу — внутреннее ядро, которое невозможно спутать с отпечатком сознания.

Ничего.

Только пустое место, уже начинавшее заполняться его собственным присутствием.

«Где ты?» — мысленно спросил он.

Ответа не последовало.

Максим Воронцов умер.

Аэран не отнял у него тело. Он пришёл позже — в то мгновение, когда разбитое сердце остановилось, а целители этого мира пытались вернуть его к жизни.

Почему душа Аэрана не ушла за Врата?

Почему оказалась именно здесь?

И кто направил её?

Пятая опора возникла в памяти так отчётливо, словно стояла перед ним.

Изменённый знак.

Спокойное лицо Мериана.

«Вы бредите».

Может быть, так и было. Может быть, в последние мгновения разум искал виновного в собственной ошибке.

Но Аэран всегда доверял тому, что видел.

Даже если увиденное ему не нравилось.

Двери распахнулись, и в палату вошёл Лев Аркадьевич. Он осмотрел показатели, послушал грудь Аэрана с помощью прибора с круглом металлическим наконечником и попросил сделать несколько вдохов.

Затем появились ещё двое сотрудников.

Они приподняли изголовье кровати. Лев Аркадьевич объяснил каждое действие, прежде чем приступить.

Трубку извлекли быстро.

Горло обожгло. Аэран закашлялся, грудь пронзила боль, а воздух показался холодным и слишком сухим.

К лицу поднесли прозрачную маску.

— Спокойно, — сказал врач. — Дышите через маску. Не разговаривайте пока.

Аэран послушался.

Первый самостоятельный вдох дался тяжело.

Второй — немного легче.

На третьем он почувствовал, как правое лёгкое раскрывается не полностью. Тело было слабым, повреждённым и чужим, но оно жило.

Аппарат рядом больше не дышал за него.

Аэран лежал молча, изучая собственный ритм.

Через несколько минут врач убрал маску и заменил её тонкой трубкой под носом.

— Попробуйте сказать что-нибудь.

Аэран открыл рот.

Он хотел произнести: «Где я?»

Из горла вышел хрип.

— Не торопитесь, — сказала Аида.

Аэран слотнул, поморщился от боли и повторил попытку:

— Где... я?

Он услышал собственный голос.

Низкий, незнакомый.

И слова прозвучали не на языке Эларда.

Тело снова сделало то, чего он не умел.

— В городской клинической больнице, — ответил Лев Аркадьевич. — В отделении реанимации. Вы попали в автомобильную аварию. Помните?

— Нет.

— Как вас зовут?

Аэран посмотрел на врача.

Он мог назвать настоящее имя.

Мог потребовать позвать королевских представителей, Совет или хотя бы ближайшего мага. Но в этом мире не было ни знакомого языка, ни магического фона, ни единого доказательства того, кем он являлся.

А вокруг находились люди, которые уже решили, что он потерял память.

Пока это было лучшей защитой.

— Не помню, — прошептал он.

Лев Аркадьевич кивнул так, словно ожидал подобного ответа.

— Вас зовут Максим Андреевич Воронцов. Вам тридцать лет. Вы врач-хирург и работаете в этой больнице.

Аэран решил, что ослышался.

— Я... целитель?

— Хирург, — мягко поправила Аида. — Врач.

Она сказала два разных слова, но тело подсказало, что одно входило в другое.

Врач лечит людей.

Хирург делает это с помощью инструментов, разрезая тело и устраняя повреждение собственными руками.

Аэран медленно повернул голову к металлическим конструкциям, прозрачным трубкам и экрану с зелёной линией.

Люди, совершенно лишённые магии, вернули его к жизни.

И тело, в котором он очнулся, принадлежало одному из них.

— Доктор Воронцов, — произнёс Лев Аркадьевич, внимательно наблюдая за его реакцией. — Вы понимаете, что я вам говорю?

Аэран посмотрел на свои руки.

Они были крупнее его прежних. На правой ладони виднелась старая тонкая царапина. На запястье лежал белый браслет с чёрными знаками:

ВОРОНЦОВ МАКСИМ АНДРЕЕВИЧ. 30 ЛЕТ.

Аэран провёл пальцем по чужому имени.

— Понимаю, — ответил он.

Светящийся прибор подтвердил это очередным ровным сигналом.

Сердце Максима Воронцова продолжало биться.

Глава 3. Человек, который выжил

В этом мире время не текло.

Оно подавало сигналы.

Каждые несколько мгновений прибор возле кровати подтверждал, что сердце продолжает биться. Через равные промежутки прозрачная конструкция над головой отправляла в вену очередную порцию лекарства. Иногда устройство на стене издавало короткий звук, и в палату входила Аида.

Утро наступило не с рассветом, а с появлением женщины в белом халате, которая взяла кровь из вены.

Аэран наблюдал за ней с молчаливым интересом.

Она перетянула его руку гибкой лентой, нашла сосуд, обработала кожу резко пахнущей жидкостью и ввела внутрь полую металлическую иглу. К ней присоединялись небольшие прозрачные ёмкости, которые одна за другой наполнялись тёмной кровью.

Никакой магии.

Никаких поисковых плетений.

И всё же движения женщины были быстрыми и уверенными.

— Что вы ищете? — спросил Аэран.

Голос всё ещё оставался хриплым, но говорить становилось легче.

— Посмотрим гемоглобин, лейкоциты, электролиты, показатели свёртываемости, — ответила она, меняя ёмкость. — Биохимию тоже назначили.

Большинство слов ничего ему не говорило. Некоторые вызывали едва заметный отклик телесной памяти.

Гемоглобин — то, что переносит кислород.

Лейкоциты — защитные клетки крови.

Электролиты...

Знание ускользнуло.

— И для этого достаточно крови?

Женщина посмотрела на него с удивлением.

— Обычно да.

Она решила, что он шутит, и улыбнулась.

— Раньше вы не любили, когда пациенты задавали такие вопросы.

— Почему?

— Говорили, что им всё равно придётся объяснять простыми словами, поэтому лучше сразу дожидаться результатов.

Аэран нахмурился.

Похоже, прежний владелец тела не отличался терпением.

— Это было невежливо.

Женщина перестала улыбаться и внимательно посмотрела на него.

— После аварии вы сильно изменились, Максим Андреевич.

— Мне уже говорили.

Он наблюдал, как она извлекает иглу и прикладывает к коже маленький кусок мягкого белого материала.

— Когда будут результаты?

— Срочные — минут через сорок.

Аэран подумал, что неправильно понял число.

— Через сорок минут?

— Если лаборатория не загружена.

В Палате исцеления полный анализ крови занимал не меньше половины дня и требовал участия мага, умеющего распознавать примеси. Некоторые яды приходилось выявлять несколько суток.

Здесь же обычная женщина забрала четыре небольших сосуда крови и уверенно пообещала результат меньше чем через час.

— Поразительно, — тихо произнёс он.

— Что именно?

— Скорость.

Она снова внимательно посмотрела на него, но ничего не спросила.

Аида, стоявшая у входа, проводила сотрудницу лаборатории взглядом и подошла к кровати.

— Вам нельзя так много разговаривать. Лев Аркадьевич велел отдыхать.

— Я лежу.

— Вы допрашиваете персонал.

— Я задал два вопроса.

— А взгляд такой, будто сейчас потребуете письменный отчёт.

— Я не требую отчёта.

— Вот теперь я точно верю, что у вас амнезия.

Аида поправила трубку под его носом и проверила повязку на руке.

Аэран уже понял, что она часто говорила не всерьёз. В первые часы её замечания ставили его в тупик, но он быстро начал различать интонации.

— Что означает «амнезия»? — спросил он, хотя тело подсказывало примерный ответ.

Улыбка исчезла с лица медсестры.

— Потеря памяти.

— Полная?

— Бывает разная. Вы правда ничего не помните?

— Отдельные слова. Движения. Иногда образы.

Это была почти правда.

— А людей?

— Пока нет.

Аида отвела взгляд.

— Антон Сергеевич вам обрадуется.

— Он мой друг?

— Лучший. По крайней мере, он так утверждает. Вы обычно говорили, что лучшая ваша поддержка — крепкий кофе и свободная операционная.

— Похоже, я был неприятным человеком.

— Не всегда. Только до первой чашки кофе. Иногда ещё после второй.

Она улыбнулась и направилась к двери.

— Попробую выяснить, проснулся ли Антон Сергеевич.

— Аида.

Она обернулась.

— Этот мир всегда такой шумный?

Медсестра посмотрела на работающие приборы.

— Это реанимация. Здесь тихо не бывает.

— Я не о приборах.

За стенами гудели механизмы. По коридору двигались тележки. Где-то хлопнула дверь. Над потолком проходила едва заметная вибрация. С улицы доносился приглушённый шум сотен неизвестных устройств.

Но магического шума не было.

Ни одного свободного потока.
Ни отголоска защитного заклинания.
Ни присутствия другого мага.
— Неважно, — сказал Аэран.

Аида задержалась у двери, словно хотела спросить что-то ещё, но передумала.
Когда он остался один, Аэран осторожно закрыл глаза.
За ночь силы немного восстановились. Не так, как в Эларде, где магическая энергия сама наполняла опустевшие каналы, но внутренний источник всё ещё существовал.

Слабый.

Едва ощутимый.

Он направил тонкую нить к повреждённому лёгкому.

В прежнем теле подобное воздействие не потребовало бы усилий. Сейчас магия двигалась тяжело, будто проходила через высохшее русло.

Она достигла повреждённых тканей.

Аэран почувствовал отёк, мелкие кровоизлияния и участки, в которые воздух поступал хуже. Можно было ускорить восстановление, но для этого пришлось бы потратить почти весь накопленный запас.

Он уже собирался остановиться, когда увидел нечто новое.

В тканях действовали лекарства.

Не просто находились в крови — работали.

Одно вещество препятствовало размножению мельчайших живых организмов. Другое уменьшало воспаление. Третье не позволяло боли захватить сознание. Их воздействие было грубее тонкого магического плетения, зато не требовало целителя и продолжалось часами.

Аэран попытался внимательнее проследить за одним из веществ.

Прибор у кровати резко запищал.

Он открыл глаза.

Зелёная линия стала чаще.

В палату вбежала Аида.

— Что произошло?

— Ничего.

Она посмотрела на экран.

— Пульс сто двадцать. Боль усилилась?

— Нет.

— Тяжело дышать?

— Нет.

— Что вы делали?

— Лежал.

Аида недоверчиво прищурилась.

— Очень напряжённо лежали?

Аэран почувствовал слабость. Даже простое внутреннее обследование отняло больше сил, чем он ожидал.

— Думал.

— Тогда постарайтесь думать помедленнее.

Она проверила давление и задержалась возле кровати, пока пульс не снизился.

Магию придётся использовать осторожнее.

Не только из-за слабости. Эти устройства замечали изменения в теле мгновенно. Любое серьёзное воздействие могло привлечь внимание.

Дверь снова открылась.

В палату стремительно вошёл высокий мужчина в тёмно-синей одежде. На шее у него висела маска, светлые волосы торчали в разные стороны, а под глазами темнели следы бессонной ночи.

Он остановился в двух шагах от кровати.

Несколько секунд просто смотрел.

Затем шумно выдохнул.

— Ну наконец-то.

Аэран понял, что перед ним Антон, ещё до того, как мужчина представился.

Тело узнало его.

В груди возникло странное ощущение — не боль и не воспоминание, а спокойная уверенность, что этому человеку можно повернуться спиной.

Антон подошёл ближе.

— Ты хоть представляешь, что устроил?

Аэран посмотрел на него.

— Авария произошла намеренно?

— Что?

— Ты сказал, что я её устроил.

Аида отвернулась, скрывая улыбку.

Антон моргнул.

— Это выражение такое. Я не имел в виду, что ты специально въехал в отбойник.

— Понятно.

— Нет, ничего тебе не понятно.

Антон придвинул стул и сел.

— Макс, ты меня узнаёшь?

Аэран решил не лгать там, где ложь легко проверить.

— Нет.

Мужчина замер.

— Совсем?

— Я понимаю, что ты Антон. Знаю, что мы были друзьями. Но не помню тебя.

Антон медленно провёл ладонью по лицу.

— Отлично. Просто прекрасно.

— Антон Сергеевич, — предупредила Аида.

— Я не в том смысле. Я рад, что он вообще разговаривает.

Он наклонился к Аэрану.

— А себя помнишь?

На этот вопрос существовало слишком много ответов.

— Нет.

— Работу? Больницу? Квартиру?

— Нет.

— Медицину?

Аэран задумался.

— Отдельные сведения возникают сами. Но я не уверен, что могу ими пользоваться.

Антон откинулся на стуле.

— Лев сказал, возможна ретроградная амнезия. Память может вернуться постепенно.

— А если не вернётся?

Антон посмотрел на него так, словно этот вопрос причинил физическую боль.

— Значит, познакомимся заново.

Ответ оказался неожиданным.

В Эларде рядом с Аэраном было много людей. Ученики, помощники, коллеги, представители Совета. Его уважали, опасались, просили о помощи.

Но никто никогда не говорил ему ничего подобного.

— Благодарю, — произнёс он.

Антон уставился на него.

— За что?

— За готовность познакомиться со мной заново.

— Макс, ты сейчас серьёзно?

— Да.

— Ты никогда в жизни не говорил «благодарю».

— А что я говорил?

— Обычно: «Отстань, Лебедев».

Аэран учёл новую информацию.

— Отстань, Лебедев.

Аида рассмеялась.

Антон несколько мгновений сохранял серьёзное выражение, затем тоже улыбнулся.

— Вот. Уже лучше. Восстановление идёт полным ходом.

Напряжение немного ослабло.

— Расскажи об аварии, — попросил Аэран.

Антон перестал улыбаться.

— Ты возвращался домой. Был дождь. На развязке водитель внедорожника потерял управление и вылетел на встречную полосу. Ты попытался уйти от столкновения, машина ударила о заграждение и перевернулась.

— Другой человек жив?

— Водитель? Да. Перелом руки и несколько ушибов.

— Он был пьян?

— Нет. Говорит, что машину занесло. Полиция разбирается.

— В моём теле были повреждены голова, нога, рёбра и лёгкое.

Антон посмотрел на Аиду.

— Ему уже рассказали?

— Только основное.

— Я почувствовал сам, — сказал Аэран.

В палате стало тихо.

— В смысле почувствовал? — спросил Антон.

— Боль указывает на повреждения.

— Не настолько точно.

Аэран понял, что сказал лишнее.

— Возможно, я слышал разговор врачей и не запомнил.

Антон продолжал смотреть на него.

— Возможно.

В его голосе не было уверенности.

— Кто меня лечил?

— Половина больницы. Тебя привезли без сознания. Давление падало, в грудной клетке скапливалась кровь. Потом в операционной началась фибрилляция желудочков.

Аэран не знал последнего выражения.

Телесная память подсказала: хаотичные сокращения сердца, при которых кровь перестаёт двигаться.

— Сердце остановилось?

— Почти на четыре минуты.

— Вы заставили его работать электричеством.
— Дефибриллятором.
Вот как называлось устройство, ударившее его в грудь.
— Сколько магов потребовалось для его работы?
Антон молча посмотрел на Аиду.
Медсестра сделала вид, что очень занята прозрачным сосудом над кроватью.
— Каких магов? — наконец спросил он.
Аэран уже понял ошибку.
— Это шутка.
— У тебя ужасное чувство юмора.
— Вероятно, последствия травмы.
— Определённо.
Антон потёр руки и отвёл взгляд.
— Я должен был тебя остановить.
— Водитель ехал по встречной полосе. Как ты мог остановить меня?
— Ты не хотел ехать на встречу выпускников. После смены устал. Это я весь день писал, чтобы ты хотя бы раз появился.
— Я мог отказаться.
— Мог. Но поехал.
— Значит, это было моё решение.
— Ты ничего не помнишь, но уже споришь точно так же.
Внутри Аэрана снова отозвалось чужое тепло.
Максим, живший в этом теле, действительно дорожил этим человеком.
— Я не обвиняю тебя, — сказал он.
Антон кивнул, но чувство вины не исчезло из его взгляда.
— К тебе ещё один посетитель, — сообщила Аида.
В палату вошла женщина с короткими каштановыми волосами. В руках она держала бумажный стакан, от которого исходил незнакомый горьковатый запах.
— Ты всё-таки разбудил его без меня, — сказала она Антону.
— Я не будил. Он сам.
Женщина подошла к кровати и посмотрела Аэрану прямо в глаза.
В отличие от Антона, она не пыталась улыбаться.
— Юлия Миронова, — представилась она. — Врач-рентгенолог. Училась с тобой шесть лет, работаю рядом ещё четыре. Если скажешь, что меня не помнишь, я не обижусь.
— Я вас не помню.
— Всё равно неприятно.
Она поставила стакан на стол.
— Зато теперь смогу заново рассказывать тебе свои лучшие истории.
— У тебя нет лучших историй, — заметил Антон.
— Человек только вернулся с того света, а ты уже лишаешь его надежды.
Юлия придвинулась ближе.
— Какой сейчас год?
Аэран назвал число, которое видел на табличке возле кровати.
— Месяц?
Он не знал.
— Не помню.
— Где мы находимся?
— В городской клинической больнице. В реанимации.
— Кто вы по профессии?

— Хирург.

— Ваше имя?

Он сделал короткую паузу.

— Максим Андреевич Воронцов.

Юлия заметила эту паузу.

— А имя родителей?

Аэран молчал.

— Адрес?

— Нет.

— Президент страны?

— Нет.

Антон поморщился.

— Юля, может, не сейчас?

— Мне нужно понять, что он помнит.

— Ты не невролог.

— Зато я умею задавать вопросы.

Она вновь повернулась к Аэрану.

— Что такое аппендицит?

В памяти тела вспыхнуло: боль, воспаление, червеобразный отросток, операция.

— Воспаление части кишечника, которую необходимо удалить при определённых условиях.

— Уже неплохо. Что такое пневмоторакс?

— Воздух там, где его не должно быть.

Юлия приподняла бровь.

— Очень научно.

— Зато верно, — сказал Антон.

— А дозировку цефтриаксона назовёшь?

В сознании возникло знакомое слово, но цифры не пришли.

— Нет.

— Какие препараты тебе назначили?

Аэран посмотрел на прозрачные сосуды.

— Я не знаю.

Юлия и Антон переглянулись.

В их молчании появилась тревога, которую они пытались скрыть.

— Ничего, — произнесла Юлия. — Главное, что базовые понятия сохранились. Остальное может восстановиться.

— А если не восстановится? — спросил Аэран.

— Тогда будешь учить заново.

— Эй, это моя фраза, — возмутился Антон.

— У тебя она была про знакомство. У меня — про знания.

Юлия взяла бумажный стакан и протянула его Антону.

— Держи. Ты выглядишь хуже пациента.

— Это мне?

— Нет, я принесла кофе человеку, которому пока нельзя кофе.

Антон сделал глоток и прикрыл глаза.

— Теперь я снова верю в человечество.

Аэран посмотрел на стакан.

— Это кофе?

Оба друга замерли.

— Ты не помнишь кофе? — тихо спросил Антон.

— Название кажется знакомым.

— Макс, ты пил его вместо воды.

— Это преувеличение, — сказала Юлия. — Воду он тоже пил. Когда запивал таблетки от головной боли.

Антон поднёс стакан ближе. Горький запах усилился.

Телесная память отозвалась неожиданно ярко: раннее утро, горячая кружка в руке, усталость после ночной операции и первое ощущение тепла.

— Знакомо, — признал Аэран.

— Слава всем медицинским богам, — выдохнул Антон. — Не всё потеряно.

Аэран не стал уточнять, сколько именно богов покровительствовало здешней медицине. В палату вошёл Лев Аркадьевич. Увидев посетителей, он нахмурился.

— Я разрешил пять минут.

— Мы только пришли, — сказал Антон.

— Ты здесь живёшь третьи сутки.

— Зато не опаздываю на обход.

— Выйдите оба. Пациенту нужен отдых.

Юлия поднялась первой.

— Мы придём вечером.

— Если разрешат, — добавил Антон.

Он задержался возле кровати.

— Макс, всё нормально. Не пытайся вспомнить сразу. У тебя есть время.

Аэран посмотрел на него.

— Ты уверен?

— Конечно.

Но в голосе друга прозвучало сомнение.

Антон и Юлия вышли. Аида последовала за ними, оставив дверь приоткрытой.

Лев Аркадьевич изучил показатели на экране, затем сел на освободившийся стул.

— Ваши друзья стараются не показывать, насколько напуганы.

— Я заметил.

— Вы действительно их не помните?

— Нет.

— А что помните?

Аэран посмотрел на врача.

Он мог рассказать о лечебном зале под вращающимися хрустальными сферами. О принце Равеле, чьё сердце он удерживал собственной силой. Об изменённой руне и магистре Мериане. О чужом мире, который продолжал существовать где-то за непреодолимой тишиной.

Но каждое слово сделало бы его безумцем в глазах этих людей.

Или привлекло бы внимание тех, кто мог оказаться опаснее.

— Орывки, — ответил он. — Свет. Удар. Чьи-то голоса. Они не складываются в целое.

Лев Аркадьевич кивнул.

— После тяжёлой черепно-мозговой травмы такое возможно. Не пытайтесь насильно вытянуть воспоминания. Мозгу нужно время.

— Сколько?

— Никто не скажет точно. Дни, недели, месяцы. Иногда память возвращается не полностью.

— Значит, мне придётся заново узнать собственную жизнь.

— Возможно.

— И заново стать врачом.

— До возвращения к работе ещё далеко. Сначала научитесь нормально ходить, дышать и спать без кошмаров.

Аэран посмотрел на повязку на ноге.

— Я восстановлюсь.

— Все хирурги ужасные пациенты, — вздохнул Лев Аркадьевич. — Даже с амнезией. Он поднялся.

— Отдыхайте, Максим Андреевич.

Когда дверь закрылась, Аэран остался один.

Максим Андреевич.

Чужое имя больше не резало слух так сильно, как несколько часов назад.

Оно давало ему документы, профессию, дом и людей, готовых остаться рядом даже с человеком, который их не помнит.

И одновременно требовало невозможного.

Аэран должен был убедительно прожить жизнь умершего незнакомца.

Он медленно повернул руку и посмотрел на белый браслет.

Версия о потере памяти защищала его. Она объясняла незнание людей, мест и событий.

Позволяла задавать вопросы. Давала время разобраться в новом мире.

Но она не могла объяснить всё.

Рано или поздно от Максима Воронцова потребуют вернуться к работе.

Лечить людей.

Принимать решения.

Использовать знания, которых у Аэрана не было.

Он являлся одним из лучших целителей Эларда.

Но в этом мире целитель без знания лекарств, приборов и правил мог оказаться опаснее любой болезни.

На экране поднялась и опустилась зелёная линия.

Аэран прислушался к чужому сердцу.

— Значит, будем учиться, Максим, — тихо произнёс он.

Собственный голос всё ещё казался незнакомым.

Но имя впервые прозвучало почти правильно.

Глава 4. Квартира незнакомца

Из больницы Аэрана выписали на девятнадцатый день.

За это время он успел перейти из реанимации в отделение травматологии, научился передвигаться с помощью костылей и выяснил, что слово «выписка» не имеет никакого отношения к наказанию.

Первые дни он полагал, что его собираются «выписать» из числа живых. Антон смеялся так долго, что в палату пришла старшая медсестра и пригрозила выписать уже его — но совсем из другого места.

Аэран быстро учился различать шутки.

Медленнее восстанавливалось тело.

Левая нога оставалась в жёстком ортезе. Врачи разрешили лишь слегка опираться на неё. Глубокий вдох по-прежнему отзывался болью в повреждённых рёбрах, а после долгого разговора начинала кружиться голова.

Он мог бы ускорить заживление.

Несколько осторожных воздействий уже уменьшили воспаление в лёгком и помогли мелким кровоизлияниям рассосаться быстрее. Но магия восстанавливалась мучительно медленно. Даже слабое плетение оставляло после себя дрожь в руках и несколько часов изнуряющей слабости.

Кроме того, врачи слишком внимательно наблюдали за показателями.

Юлия каждый раз сравнивала новые снимки со старыми и однажды сказала:

— Странно. Для такой травмы лёгкое восстанавливается быстрее, чем я ожидала.

После этого Аэран прекратил вмешиваться.

Странности следовало дозировать.

В день выписки Антон принёс большую сумку с одеждой, несколько пакетов и прямоугольную чёрную вещь, которую положил на тумбочку.

— Твои джинсы, футболка, толстовка, документы, ключи и телефон, — перечислил он. — Куртку пришлось выбросить. Она была вся в крови и стекле.

Аэран посмотрел на чёрный прямоугольник.

— Это телефон?

— Хорошее начало. Значит, слово ты помнишь.

Слово он действительно знал. Отдельные воспоминания тела подсказывали, что этот предмет позволял разговаривать на расстоянии. Но как именно — оставалось загадкой.

— Он работает сейчас?

— Конечно.

— Но на нём нет ни одного знака активации.

Антон взял телефон и нажал боковую кнопку. Поверхность мгновенно засветилась.

На ней появилось лицо.

Лицо принадлежало мужчине, стоявшему рядом с Антоном и Юлией на фоне заснеженных гор. Мужчина улыбался, щурясь от яркого солнца. У него были тёмные волосы, серо-зелёные глаза и уверенное выражение человека, который привык смотреть прямо в объектив.

Аэран узнал его руки.

Это был Максим Воронцов.

— Здесь изображение движется? — спросил он.

Антон посмотрел на экран.

— Нет. Это фотография.

— Очень точная.

— Макс, ты правда не помнишь фотографии?

— Я видел изображения, созданные художниками.

— Ты сейчас про картины?

— Вероятно.

Антон несколько секунд молчал.

За девятнадцать дней он привык к провалам памяти друга, но некоторые из них по-прежнему ставили его в тупик.

— Ладно, — сказал он. — Будем считать, что мозг решил провести генеральную уборку и случайно выбросил двадцать первый век.

Он поднёс телефон к лицу Аэрана.

В верхней части экрана появился маленький замок. Через мгновение он раскрылся.

— Устройство узнало меня, — произнёс Аэран.

— Это Face ID.

— Оно связано с лицом владельца?

— Да.

— Значит, другой человек не сможет получить доступ?

— Если не знает пароль.

Телефон издал короткий звук. На экране появилось несколько строк.

Антон Лебедев: Я перед тобой, не надо отвечать. Проверяю уведомления.

Аэран перевёл взгляд на друга.

— Ты отправил сообщение, находясь в двух шагах от меня.

— Убедительно демонстрирую технологию.

— Сомневаюсь в разумности её использования.

— Вот сейчас ты звучал почти как Сергей Павлович.

Антон протянул ему телефон.

— Держи. Только не урони. Новый я тебе не куплю.

Аэран осторожно взял устройство. Экран отозвался на случайное прикосновение, и изображение сдвинулось.

Он провёл пальцем ещё раз.

Строки послушно переместились.

— Управление касанием, — понял он.

— Да.

— Разумно.

— Спасибо от имени человечества.

На экране виднелись десятки маленьких знаков. Некоторые были понятны благодаря телесной памяти, другие оставались незнакомыми. В верхнем углу высвечивалось число непрочитанных сообщений.

Триста восемьдесят семь.

— Столько людей пытались со мной связаться?

— Половина — рабочие чаты. Ещё часть — реклама и новости. Настоящих сообщений около пятидесяти.

— Зачем объединять важные сведения с ненужными?

— Добро пожаловать в современный мир.

Аэран нахмурился.

— Я уже начинаю понимать, почему Максим постоянно выглядел уставшим.

Улыбка Антона стала чуть менее весёлой.

— Да. Отдыхать он не умел.

Перед выпиской Аэрана осмотрели травматолог, невролог и Лев Аркадьевич. Каждый повторил собственный список запретов.

Не нагружать ногу.

Не садиться за руль.

Не работать.

Не принимать лекарства без назначения.

Не оставаться одному в первые дни.

Не игнорировать головную боль, тошноту, слабость или потерю сознания.

Затем ему выдали несколько листов с рекомендациями.

— Это всё обо мне? — спросил Аэран, рассматривая плотно заполненные страницы.

— Нет, — ответил Антон. — Полная история болезни гораздо толще.

— Зачем столько записей?

— Чтобы следующий врач знал, что с тобой происходило и что тебе делали.

Аэран перелистнул документы.

Названия операций, препаратов, результаты исследований, показатели крови, рекомендации специалистов. Всё было зафиксировано по времени.

Он вынужден был признать, что в этом есть смысл.

В Эларде целители тоже вели книги наблюдений, но записи часто зависели от памяти конкретного мага. Если тот погибал или покидал Палату, часть знаний исчезала вместе с ним.

Здесь сведения принадлежали не одному человеку.

— И это нужно сохранить, — сказал Аэран.

— Да. Желательно не использовать для разжигания костра.

— Я не собирался.

— Ты однажды сжёг свою справку, потому что врач запретил тебе дежурить после воспаления лёгких.

— Это был Максим?

— Нет, дворцовый магистр. Конечно, Максим.

Аэран посмотрел на бумаги.

— Неразумный поступок.

— Обязательно напомню тебе эти слова, когда захочешь выйти на работу раньше срока.

Санитар помог Аэрану пересест в кресло с колёсами.

— Я могу идти на костылях, — возразил он.

— Можете, — согласился санитар. — Но до выхода повезём.

— Почему?

— Правила больницы.

Аэран сжал губы.

Антон заметил его выражение.

— Даже не начинай. У вас, высших хирургов, аллергия на инвалидные коляски.

Аэран медленно повернул голову.

— Ты называл меня высшим хирургом?

— Я сказал: «у вас, хирургов с завышенной самооценкой».

— Понятно.

Он позволил себя везти.

Прощание с отделением оказалось неожиданно многолюдным. Несколько медсестёр остановились в коридоре. Молодой врач пожал ему руку. Роза Сапаровна, невысокая женщина с безупречно уложенными седыми волосами, проверила, забрал ли он документы и лекарства.

— Телефон у вас? — спросила она.

— Да.

— Ключи?

Аэран посмотрел на Антона.

— У меня.

— Рецепты?

— Тоже.

— Голова?

Аэран нахмурился.

— На месте.

— Желательно сохранить её там же, — сказала Роза Сапаровна. — И не приходить в отделение раньше, чем разрешат врачи.

— Я ещё плохо хожу.

— Зная вас, это ненадолго.

Она поправила край его куртки и на мгновение задержала ладонь на плече.

— Хорошо, что вернулись, Максим Андреевич.

В её голосе не было шуток.

Аэран склонил голову.

— Спасибо, Роза Сапаровна.

Она прищурилась.

— Очень вежливый стал.

— Удар головой, — объяснил Антон.

— Возможно, некоторым даже полезно, — заметила она и ушла.

Перед металлическими дверями Аэран остановился.

Над ними светилась цифра семь. Антон нажал кнопку, и через несколько мгновений двери сами разошлись в стороны.

За ними находилась небольшая кабина.

— Что это? — спросил Аэран.

— Лифт.

Телесная память знала слово, но не могла объяснить ощущение, возникшее при виде замкнутого пространства.

Кабина не имела окон. На одной стене находилась блестящая металлическая пластина с рядами кнопок.

— Он перемещает людей между этажами, — добавил Антон.

Аэран осторожно заглянул внутрь.

— Каким способом?

— Вверх и вниз.

— Я спрашивал не о направлении.

— Там тросы, двигатель и сложная система, которая не даст нам упасть.

— Почему ты уточнил именно про падение?

— Потому что ты смотришь на лифт как на ловушку.

Это и была ловушка. Маленькая металлическая комната с единственным выходом, который закрывался самостоятельно.

Однако рядом в неё спокойно вошли санитар, Антон и женщина с ребёнком. Никто не пытался проверить защитные знаки или искать запасную дверь.

Аэран переступил порог.

Двери сомкнулись.

Он машинально собрал остаток силы в ладони.

Кабина дрогнула и начала опускаться.

Желудок неприятно качнулся. Пространство менялось, хотя Аэран не чувствовал ни единого пространственного плетения.

Он посмотрел на светящиеся цифры.

Семь.

Шесть.

Пять.

— Это не портал, — пробормотал он.

— Рад, что мы определились, — сказал Антон.

Женщина с ребёнком покосилась на них.

— После аварии, — пояснил Антон.

Она понимающе кивнула.

Когда двери открылись на первом этаже, Аэран первым выехал из кабины.

— Впечатляет, — признал он.

— Лифт?

— Люди входят в него добровольно.

Антон рассмеялся.

Настоящий мир ожидал за стеклянными дверями больницы.

Аэран остановился под навесом.

Перед ним возвышались здания из стекла, металла и камня. Некоторые были выше королевских башен. По широкой дороге непрерывным потоком двигались автомобили. Над улицей висели цветные знаки, изображения людей и огромные светящиеся надписи.

Сотни прохожих говорили, спешили, смотрели в телефоны.

Нигде не было лошадей.

Нигде не горели факелы.

Никто не носил оружия.

Город двигался с такой скоростью, что первые мгновения Аэран не мог сосредоточиться ни на одном объекте.

— Макс?

Он не ответил.

По дороге с глухим рёвом промчался автобус. Огромная машина перевозила десятки людей, не требуя ни тяглового животного, ни мага движения.

— Ты как? — спросил Антон.

— Сколько здесь жителей?

— В городе? Около двух миллионов.

Аэран решил, что снова неправильно понял число.

— Двух миллионов?

— Примерно.

В столице Эларда проживало чуть больше ста тысяч человек, и она считалась одним из крупнейших городов мира.

— Как вы обеспечиваете их водой?

— Трубами.

— А пищей?

— Магазинами.

— Отходы?

— Канализация.

— Освещение?

— Электричество.

Ответы Антона были слишком короткими и объясняли ещё меньше, чем слова.

— Нам понадобится много времени, — произнёс Аэран.

— Для чего?

— Чтобы ты объяснил мне устройство этого города.

Антон внимательно посмотрел на него.

— Ты точно всё забыл.

У входа остановился чёрный автомобиль.

Тело Аэрана отреагировало раньше разума.

Пальцы сжали подлокотники кресла. Дыхание участилось. Перед глазами вспыхнули огни встречной машины, дождь и летящее стекло.

Аэран заставил себя медленно выдохнуть.

— Можем вызвать такси побольше, — предложил Антон. — Или я попрошу Юлю...

— Нет.

— После аварии бояться нормально.

— Я не боюсь.

— Конечно. Просто решил сломать подлокотник.

Аэран разжал пальцы.

— Я должен привыкнуть.

Антон помог ему подняться и сесть на переднее пассажирское место. Костыли и вещи убрали назад. Ремень безопасности Аэран застегнул после короткой подсказки.

Когда двигатель ожил, он прислушался.

Машина вибрировала. Внутри неё происходили сотни точных механических процессов. Никакой магии.

Антон плавно выехал с территории больницы.

Первые минуты Аэран следил за каждым встречным автомобилем. Затем страх уступил любопытству.

— Почему они движутся по разным полосам?

— Так безопаснее.

— Что означают цветные огни?

— Светофор регулирует движение.

— Все ему подчиняются?

— В идеальном мире — да.

— А в этом?

— В этом нужно смотреть по сторонам.

Дорога проходила между многоэтажными зданиями. На одном из перекрёстков автомобиль остановился перед красным светом.

Телефон Антона заговорил женским голосом:

— Через двести метров поверните направо.

Аэран резко посмотрел на устройство.

— Кто там?

Антон едва не пропустил зелёный сигнал.

— Навигатор.

— В телефоне находится женщина?

— Нет. Это программа.

— Она видит дорогу?

— Спутники определяют, где мы находимся, а программа строит маршрут.

Аэран перевёл взгляд на небо.

— Спутники?

— Устройства, которые летают вокруг Земли.

— Вокруг всего мира?

— Да.

Он ожидал объяснения, но Аэран замолчал.

Слишком многое требовало переосмысления.

Люди этого мира не владели магией. Но они построили башни выше королевских, заставили металлические повозки двигаться быстрее лучших лошадей, передавали голоса на расстоянии и разместили свои устройства за пределами небес.

Он больше не был уверен, какой из миров следует считать развитым.

Квартира Максима находилась на двенадцатом этаже нового жилого дома.

Вторую поездку в лифте Аэран перенёс спокойнее. Он уже понял принцип и внимательно следил за цифрами, не собирая магию в ладони.

Антон открыл дверь ключом.

— Добро пожаловать домой.

Аэран переступил порог.

Внутри пахло пылью, кофе и чем-то едва уловимо знакомым.

Прихожая была небольшой. На вешалке висели две куртки. На полке стояла мужская обувь. Возле стены лежала спортивная сумка, словно хозяин оставил её там несколько дней назад и собирался вскоре забрать.

В гостиной находились диван, стол, книги и большой чёрный экран на стене. На подоконнике засохло растение.

— Я поливал, — сказал Антон, заметив его взгляд. — Но, кажется, выбрал неправильную частоту.

— Как часто?

— Один раз.

— За девятнадцать дней?

— Я был занят спасением хозяина.

Аэран подошёл к растению и коснулся сухого листа. Жизненный поток почти угас, но корни ещё сохраняли слабое тепло.

Он мог помочь.

Однако тратить драгоценную силу на растение сейчас было неразумно.

Аэран налил немного воды из бутылки и поставил горшок подальше от прямого света.

— Ты и раньше с ним разговаривал, — заметил Антон.

— Я не разговаривал.

— Тогда почему смотришь так сочувственно?

— Оно умирает.

— Как и всё, что попадает в эту квартиру без доступа к холодильнику.

Антон отнёс сумку в спальню.

Аэран медленно прошёл по комнатам, опираясь на костыли.

Каждая вещь принадлежала человеку, которого больше не существовало.

Книги по хирургии.

Часы на прикроватной тумбе.

Тёмная рубашка на спинке стула.

Кружка с надписью: «Хирург: сначала режет, потом объясняет».

На стене висел диплом.

Максим Андреевич Воронцов. Лечебное дело.

Рядом находились сертификаты, фотографии медицинских конференций и снимок группы молодых людей в белых халатах. Максим стоял рядом с Антоном и Юлией. На всех троих были одинаково уставшие и счастливые лица.

— Это выпускной, — сказал подошедший Антон. — Первый день, когда мы решили, что стали настоящими врачами.

— Стали?

— Нет. Потом выяснилось, что впереди интернатура, ординатура и бесконечное чувство, что ты ничего не знаешь.

Аэран внимательно посмотрел на прежнего владельца тела.

— У него были родственники?

Антон помолчал.

— Родители погибли пять лет назад. Авария на трассе. Других близких почти нет. Двоюродная сестра живёт за границей, я ей пока не сообщил всех подробностей.

Аэран опустил взгляд.

Значит, Максим тоже потерял семью.

И погиб так же, как его родители.

— Ты действительно ничего этого не помнишь? — спросил Антон.

— Нет.

— Может, оно и к лучшему. Хотя бы сейчас.

Аэран прошёл в ванную и остановился перед зеркалом.

До этого он видел своё отражение только мельком — в стекле больничного окна и тёмном экране прибора.

Теперь чужое лицо предстало перед ним полностью.

Мужчина в зеркале выглядел измученным. Кожа побледнела, под глазами залегли тени. Тёмные волосы были коротко острижены возле перевязанного виска. На скуле оставался желтоватый след ушиба.

Незнакомец поднял руку.

Отражение повторило движение.

Аэран прикоснулся к лицу. Пальцы ощутили щетину, линию челюсти, небольшой шрам у виска.

Он помнил собственную внешность.

Более узкое лицо. Чёрные волосы до плеч. Светло-серые глаза, которые после сложных плетений становились почти серебряными.

От прежнего Аэрана не осталось ничего.

Кроме души и слабой магии.

— Макс? — позвал Антон из комнаты.

— Я здесь.

Незнакомец в зеркале произнёс эти слова вместе с ним.

— Тебе помочь?

— Нет.

Аэран закрыл воду, хотя не помнил, когда успел открыть кран.

— Удобное устройство, — сказал он, возвращаясь в комнату.

— Какое?

— Водопровод.

Антон устало опустился на диван.

— Я даже боюсь спрашивать, что ты о нём помнишь.

— Почти ничего.

— Вода идёт по трубам. Горячая и холодная. За неё нужно платить.

— Кому?

— Коммунальной службе.

— За воду?

— И за свет, отопление, обслуживание дома, интернет...

— За воздух тоже?

— Пока нет. Но не подсказывай.

Аэран принял ответ за очередную шутку.

Антон разложил на столе лекарства.

— Вот это утром и вечером после еды. Это один раз в день. Обезболивающее — только если действительно болит. Здесь всё написано.

Аэран внимательно изучил упаковки.

— Ты будешь контролировать, что я принимаю?

— Первые дни — да.

— Я способен соблюдать назначения.

— Ты сегодня спросил, нет ли женщины внутри навигатора.

— Это разумный вопрос, если устройство говорит её голосом.

— Именно поэтому я останусь.

— Где?

— На диване.

— В этом нет необходимости.

— Врачи запретили тебе оставаться одному.

— Я тоже врач.

— Сейчас ты пациент с амнезией, переломом ноги и склонностью задавать вопросы о магии.

Аэран замер.

Антон улыбался, но взгляд оставался внимательным.

— Я пошутил, — сказал Аэран.

— Конечно.

— И больше не повторяю.

— А вот это жаль. Мне понравилось.

Телефон на столе неожиданно зазвонил.

Аэран вздрогнул.

На экране появилось имя: Сергей Павлович.

— Это твой заведующий, — сказал Антон. — Брать будешь?

— Каким образом?

Антон показал движение пальцем.

Аэран провёл по экрану.

— Максим? — раздался мужской голос. — Слышишь меня?

— Слышу.

— Как добрался?

Аэран посмотрел на телефон.

Голос исходил из крошечного отверстия, но звучал так ясно, словно собеседник стоял рядом.

— Без происшествий.

— Голова не кружится?

— Сейчас нет.

— Лекарства забрал?

— Да.

— Через неделю на контроль. До этого никаких визитов в больницу.

— Я понял.

— Антон рядом?

— Да.

— Передай ему телефон.

Аэран протянул устройство другу.

— Он хочет говорить с тобой.

Антон взял телефон.

— Да, Сергей Павлович... Нет, всё нормально... Говорит немного странно, но связно... Да, прослежу.

Он отошёл к окну.

Аэран рассматривал экран. На нём появлялись новые сообщения, числа и знаки. Сотни людей, огромный город, бесконечный поток сведений — всё сходилось в маленькой чёрной пластине.

Рядом лежал другой предмет — тонкий металлический прямоугольник, сложенный пополам.

Аэран коснулся крышки.

Она открылась.

Засветился ещё один экран.

— Это компьютер, — сказал Антон, закончив разговор. — Его сегодня лучше не трогать.

— Почему?

— Потому что я знаю тебя. Если откроешь медицинскую базу, не будешь спать до утра.

— Медицинская база?

— Книги, статьи, клинические рекомендации. Всё, что ты обычно читал вместо нормальной жизни.

Аэран медленно повернул компьютер к себе.

— Здесь находятся книги?

— Не только здесь. В интернете.

— В том самом, за который нужно платить?

— Да.

— Насколько велика эта библиотека?

Антон задумался.

— Практически все знания человечества. Полезные, бесполезные и совершенно безумные.

Аэран решил, что друг снова преувеличивает.

— Покажи.

— Завтра.

— Почему не сейчас?

— Потому что тебе нужен отдых.

— Я провёл девятнадцать дней в постели.

— И проведёшь ещё одну ночь, если не хочешь вернуться в больницу.

Антон закрыл компьютер.

Аэран не стал спорить.

Пока.

Ночью он долго не мог уснуть.

Антон устроился на диване в гостиной. Город за окнами не затихал. Даже после полуночи по улицам двигались автомобили, в соседних домах горел свет, где-то звучала музыка.

Аэран стоял у окна спальни, опираясь одной рукой на костыль.

С двенадцатого этажа люди казались маленькими движущимися точками. Улицы пересекались светящимися линиями. Над крышами мигали красные огни.

Он закрыл глаза и попытался почувствовать магический фон.

В Эларде достаточно было протянуть сознание за пределы тела, чтобы ощутить дыхание земли, движение воды под камнями, следы защитных чар на зданиях и присутствие других магов.

Здесь его встретила пустота.

Он расширил поиск.

Квартира.

Дом.

Улица.

Несколько соседних зданий.

Ничего.

Только слабое тепло живых людей — естественная энергия, слишком рассеянная, чтобы использовать её без вреда.

Аэран остановился.

Брать силу у людей он не станет.

Никогда.

Он открыл глаза.

Пути назад не было.

Если в этом мире и существовала магия, она скрывалась настолько глубоко, что даже высший магистр не мог её обнаружить.

На прикроватной тумбе лежал телефон. Экран внезапно загорелся, показывая время.

Аэран взял устройство и коснулся к значку с изображением фотографий.

Перед ним появилась целая галерея чужой жизни.

Максим в больнице.

Максим рядом с Антоном и Юлией.

Максим с пожилой женщиной, похожей на него глазами.

Максим возле моря.

Максим в операционной после долгого дежурства.

На последних снимках он улыбался всё реже.

Аэран пролистывал изображения, пока не нашёл фотографию родителей Максима. Они стояли втроём возле небольшого дома. Мать держала сына под руку, отец положил ладонь ему на плечо.

Чужая память не вернулась.

Но в груди возникла тяжёлая боль, не связанная с повреждёнными рёбрами.

Тело помнило потерю.

— Я не просил твоей жизни, — тихо произнёс Аэран, глядя на лицо Максима. — И не знаю, почему получил её.

Телефон молчал.

— Но я постараюсь её не опозорить.

Из гостиной донёсся сонный голос Антона:

— Ты с кем разговариваешь?

Аэран быстро погасил экран.

— Ни с кем.

— Отлично. Значит, это не галлюцинации.

— Спи, Лебедев.

— Вот теперь узнаю родного человека.

В квартире снова стало тихо.

Аэран лёг и положил телефон на тумбочку.

Завтра Антон покажет ему интернет.

Практически все знания человечества.

Если путь домой закрыт, оставалось только одно.

Понять этот мир.

А затем научиться в нём жить.

Глава 5. Магия без заклинаний

Интернет оказался больше Великой библиотеки Эларда.

Аэран понял это через четыре минуты после того, как Антон открыл компьютер, ввёл пароль и показал ему строку поиска.

— Пишешь сюда вопрос, — объяснил он, — нажимаешь Enter и получаешь ответы.

— На любой вопрос?

— Практически.

— Кто отвечает?

— Сайты.

— Кто такие сайты?

Антон задумался.

— Страницы с информацией, которые создают люди.

— Где хранятся эти страницы?

— На серверах.

— Где находятся серверы?

— По всему миру.

— Как компьютер получает к ним доступ?

— Через интернет.

— А что такое интернет?

— То, о чём ты спросил в самом начале.

Аэран посмотрел на него.

— Ты объясняешь неизвестное понятие через него же.

— Я анестезиолог, а не преподаватель информатики.

— Это я уже понял.

Антон вздохнул, подвинул к себе компьютер и открыл схему. На экране появились изображения соединённых устройств, линий связи и больших помещений с рядами металлических шкафов.

— Представь огромную сеть, — сказал он. — Компьютеры и другие устройства обмениваются информацией. Данные хранятся на серверах, передаются по кабелям, оптоволокну, мобильным сетям, иногда через спутники.

— Значит, это не одна библиотека.

— Нет.

— Это тысячи хранилищ, соединённых между собой.

— Миллионы.

Аэран медленно провёл пальцем по сенсорной панели. Стрелка на экране послушно переместилась.

— И любой человек может получить доступ?

— Не ко всему. Есть закрытые базы, платные материалы, личные данные. Но общедоступной информации тоже более чем достаточно.

— Почему подобное знание не принадлежит правителям?

— Иногда принадлежит. Иногда корпорациям. Иногда университетам. Иногда человеку, который вчера завёл страницу и решил рассказать миру, что Земля плоская.

— Она не плоская?

Антон резко повернул голову.

Аэран не выдержал и едва заметно улыбнулся.

— Это была шутка.

— Очень смешно. Особенно для человека, который позавчера подозревал женщину внутри навигатора.

— Я не подозревал. Я уточнял.

— И что ты хочешь найти?

Аэран посмотрел на пустую строку.

Вопросов было слишком много.

Устройство мира.

История государств.

Законы.

Электричество.

Механизмы.

Медицина.

Он выбрал последнее.

Пальцы сами нашли буквы. Телесная память позволяла печатать, хотя движения были медленными и неуверенными.

Современная медицина.

Аэран нажал клавишу.

Экран мгновенно заполнился ссылками.

— Это всё? — спросил он.

— Только первая страница.

— Сколько их?

Антон указал на число результатов.

Аэран прочитал его дважды.

— Более ста миллионов?

— Точное число особого смысла не имеет.

— В Эларде крупнейшая библиотека содержала сорок две тысячи книг.

— Здесь тоже не всё книги. Статьи, новости, изображения, видео, реклама.

— Что такое видео?

— Движущиеся изображения со звуком.

Аэран повернулся к нему.

— Зеркало памяти?

— Если тебе так легче — да.

Антон открыл видеозапись лапароскопической операции.

На экране появилась операционная. Человек в медицинской маске сделал небольшой разрез, ввёл в тело тонкий инструмент, и внутренние органы пациента возникли на большом мониторе.

Аэран подался вперёд.

— Он поместил внутрь глаза?

— Камеру.

— Она передаёт изображение?

— Да.

На видео хирург осторожно разделял ткани. Инструменты двигались с точностью, которой трудно было ожидать от длинных металлических стержней.

— Почему брюшная стенка поднята?

— Внутрь вводят углекислый газ, чтобы создать пространство для работы.

— Газ не вредит пациенту?

— Его количество контролируют. После операции удаляют.

— Как хирург чувствует сопротивление тканей?

— Руками. Через инструменты. Ещё ориентируется по изображению.

Аэран наблюдал молча.

В Эларде раны старались лечить без разрезов. Маг входил во внутренние потоки и воздействовал на повреждённый орган через ткани. Но если требовалось удалить стрелу, опухоль или омертвевший участок, целителям приходилось делать широкий доступ, чтобы видеть собственными глазами.

Здесьние врачи проникали в тело через крошечные отверстия.

— Он не чувствует жизненные каналы, — произнёс Аэран.

— Какие каналы?

— Кровоснабжение. Нервы. Направление естественных процессов.

— Он знает анатомию и видит сосуды.

— Знание может заменить ощущение?

Антон пожал плечами.

— Хороший хирург знает, где проходит сосуд, ещё до того, как его увидит. Но полностью полагаться только на схему нельзя. У людей бывают анатомические особенности.

На экране появился кровоточащий сосуд. Хирург быстро захватил его инструментом и остановил кровь.

Аэран всмотрелся.

— Сколько лет он учился?

— Университет, ординатура, практика — долго. Хирург вообще учится всю жизнь.

— В моём... — Аэран вовремя остановился. — В книгах подобное описывалось иначе.

— В очень старых книгах?

— Вероятно.

Антон закрыл видео.

— На сегодня достаточно.

— Мы только начали.

— Ты сидишь уже двадцать минут.

— Это немного.

— Для человека после тяжёлой травмы — достаточно. Тебе нужно пройтись и сделать дыхательные упражнения.

Аэран с неудовольствием посмотрел на костыли.

— Ты обещал показать интернет.

— Показал.

— Ты показал одну операцию.

— И уже жалею. У тебя появился тот самый взгляд.

— Какой?

— Через час ты попытаешься открыть хирургический атлас. Через два — клинические рекомендации. К вечеру решишь, что полностью здоров, и начнёшь звонить Сергею Павловичу.

— Я не собирался ему звонить.

— Потому что пока не знаешь номер.

Антон закрыл компьютер и поставил его на верхнюю полку.

— Я могу достать его самостоятельно.

— С костылями?

— Да.

— Тогда получишь ещё одну травму, и Лев Аркадьевич обвинит меня.

— Ты постоянно ссылаешься на других людей, чтобы ограничить мою свободу.

— Наконец-то ты начинаешь понимать устройство современной медицины.

После дыхательных упражнений, короткой прогулки по квартире и приёма лекарств Антон разрешил Аэрану снова открыть компьютер.

Но установил условие:

— Не больше часа.

— Кто будет следить за временем?

— Я.

— А если ты уснёшь?

— Компьютер сам отключится.

— Ты установил ограничение?

— Да.

Аэран посмотрел на него с уважением.

— Предусмотрительно.

— Я слишком хорошо тебя знаю. Даже если ты себя не знаешь.

Первым делом Аэран нашёл анатомический атлас.

Человеческое тело возникло на экране в мельчайших подробностях. Мышцы можно было отделять одну за другой, скрывать кости, сосуды и внутренние органы. Изображение поворачивалось в любую сторону и увеличивалось.

Аэран выбрал сердце.

Оно раскрылось перед ним по слоям.

Клапаны.

Предсердия.

Желудочки.

Сосуды.

Система, управляющая сокращениями.

Названия были незнакомыми, но строение почти не отличалось от человеческого тела в Эларде. Некоторые детали здешние врачи описывали гораздо точнее, чем магистры Палаты.

Аэран открыл раздел о крови.

Затем о дыхании.

Затем о работе почек.

Каждый ответ порождал новые вопросы.

Он узнал, что кровь состоит из клеток и жидкой части. Что кислород переносится особым белком. Что почки очищают кровь, регулируют количество воды и солей. Что сердце имеет собственную электрическую систему.

Электрическую.

Значит, удар, вернувший его к жизни, не был случайным насилием над телом. Устройство воздействовало на естественный механизм сердца.

Аэран нашёл статью о дефибрилляции.

Сложные выражения приходилось читать несколько раз. Телесная память иногда подсказывала значение, но не всегда. Тогда он открывал новые страницы и изучал термин отдельно.

Через сорок минут на экране появилось предупреждение:

До завершения сеанса осталось 20 минут.

Аэран попытался закрыть его.

Предупреждение исчезло, но счёт времени продолжился.

Он открыл новую вкладку и ввёл:

Как убрать ограничение времени на компьютере.

Поиск мгновенно предложил инструкции.

Аэран улыбнулся.

Вот это было действительно разумно устроено: сама система рассказывала, как обойти наложенный запрет.

— Даже не думай, — раздался голос Антона.
Он стоял в дверях кухни с тарелкой в руке.
— Ты не спал.
— Я готовил обед.
— Весьма бесшумно.
— А ты собирався взломать родительский контроль.
— Я лишь изучал устройство системы.
— Конечно.

Телефон на столе зазвонил. На экране появилось имя Юлии.

Антон ответил и включил громкую связь.

— Вы живы? — спросила она.
— Я — да, — ответил Антон. — Максим пытается победить компьютер.
— Кто выигрывает?
— Пока компьютер.
— Я еду к вам. Привезу снимки.

Аэран поднял голову.

— Какие?

— Твои, — ответила Юлия. — КТ до операции и после. Хотел увидеть современную диагностику — увидишь.

— Откуда ты знаешь?

— Антон написал, что ты устроил допрос во время видео лапароскопии.

Аэран перевёл взгляд на друга.

— Вы постоянно сообщаете друг другу о моих действиях?

— Это называется дружеский чат, — сказал Антон.

— Это называется слежка.

— Память возвращается. Ты уже снова недоволен всеми вокруг.

Юлия приехала через час.

Она принесла продукты, папку с медицинскими документами и небольшой серебристый носитель, который вставила в компьютер.

— Здесь копии твоих исследований, — объяснила она. — Свои данные ты имеешь право смотреть. Но если начнёшь ставить себе диагнозы по интернету, я заберу диск.

— Я уже знаю свои повреждения.

— Теперь увидишь их.

На экране появилось изображение человеческого черепа.

Аэран сразу узнал собственную — теперь уже собственную — голову, хотя никогда не видел её изнутри таким образом.

— Это кость? — спросил он.

— Трёхмерная реконструкция КТ.

Юлия повернула изображение.

Стала видна тонкая линия перелома и металлическая пластина, установленная во время операции.

— Машина видит сквозь кожу?

— Не совсем. Внутри томографа вращается рентгеновская трубка. Лучи проходят через тело и по-разному ослабляются тканями. Детекторы собирают данные, а компьютер создаёт послойные изображения.

Она открыла следующий режим.

На экране появились поперечные срезы головы.

Аэран перестал дышать.

Тело было представлено тончайшими слоями. Он видел кости, мягкие ткани, полости и участок повреждения. Изображение не обладало цветом и живым движением магического зрения, зато сохраняло состояние пациента в конкретный момент.

Его можно было изучать снова и снова.

Показывать другим врачам.

Сравнивать с новыми исследованиями.

И для этого не требовалось присутствие самого пациента.

— Вы сохраняете внутренний облик человека, — тихо произнёс он.

Юлия посмотрела на него.

— Можно сказать и так.

— Насколько малое повреждение способен увидеть этот прибор?

— Зависит от области, настроек и типа исследования. КТ хорошо показывает кости, лёгкие, кровоизлияния, многие повреждения внутренних органов. Для некоторых тканей лучше МРТ, УЗИ или другие методы.

— Есть ещё устройства?

— Много.

Она открыла исследование грудной клетки.

Аэран увидел ушиб правого лёгкого, скопление крови и установленный дренаж. Затем Юлия показала снимки после лечения.

— Вот здесь состояние при поступлении. А это через семь дней.

Аэран сравнил изображения.

— Вы можете наблюдать восстановление, не вскрывая тело.

— Именно.

— И не причиняя боли?

— Само исследование безболезненное. Хотя есть лучевая нагрузка, поэтому без показаний КТ не делают.

Он наклонился ближе к экрану.

— Покажи ногу.

Юлия открыла снимки бедренной кости. На первом изображении был хорошо виден перелом. На втором — металлическая пластина и винты, удерживающие отломки.

Аэран знал десятки плетений для соединения костей. Некоторые действовали быстрее. Но они требовали присутствия опытного целителя, значительного количества силы и долгого наблюдения.

Здесь металл выполнял работу мага постоянно.

Ночью.

Днём.

Даже когда врач находился далеко.

— Почему ты так смотришь? — спросила Юлия.

— Пытаюсь понять.

— Что именно?

— Как люди дошли до этого без возможности видеть внутренние потоки.

— Наблюдения, исследования, ошибки. Очень много ошибок.

— Сколько времени понадобилось?

— Современная медицина развивалась столетиями. Некоторые знания собирались тысячами.

Аэран посмотрел на снимок.

В Эларде слишком многое зависело от дара. Сильный маг мог увидеть повреждение, слабый — нет. Опыт часто передавался от наставника нескольким ученикам и исчезал вместе с ними.

Люди этого мира выбрали другой путь.
Они создавали способы, которыми мог воспользоваться каждый подготовленный врач.
Не сила одного целителя.
Знание для многих.
— Покажи, как вы находите болезни крови, — попросил Аэран.
— Для начала давай закончим с твоими снимками.
— Потом расскажешь о лаборатории?
— Если не устану от вопросов.
— А об инфекциях?
— Макс...
— Антон сказал, что существуют вещества, способные уничтожать болезнетворные организмы внутри тела.
— Антибиотики.
— Они действуют избирательно?
Юлия откинулась на спинку стула.
— Ты действительно забыл всю фармакологию.
— Да.
Она посмотрела на Антона.
— Сергей Павлович знает, насколько всё серьёзно?
— Невролог написал в заключении о выраженной ретроградной амнезии и частичной утрате профессиональных знаний.
— Частичной?
— Базовые понятия он помнит.
— Понятия — не дозировки и не протоколы.
— Я понимаю, — спокойно сказал Аэран.
Юлия перевела взгляд на него.
— Это опасно, Макс. Нельзя вернуться в операционную, посмотрев несколько видео и прочитав статьи в интернете.
— Я не собираюсь этого делать.
— Собираешься. Я тебя знаю.
— Ты знала прежнего меня.
Фраза прозвучала резче, чем он хотел.
Юлия замолчала.
Антон перестал убирать продукты и тоже посмотрел на него.
Аэран медленно закрыл компьютер.
— Простите. Я хотел сказать, что не уверен, каким человеком стану после восстановления.
— Ты уже стал другим, — тихо произнесла Юлия.
Он не ответил.
— Но в одном ты прав, — продолжила она. — Тебе придётся учиться заново. И лучше делать это не одному.
— Ты поможешь?
— С диагностикой — да. Сергей Павлович поможет с хирургией. Елена Кравцова — с препаратами, если не убьёт тебя за первый неправильный вопрос.
— Она опасный человек?
Антон кашлянул, скрывая смех.
— Клинический фармаколог, — пояснила Юлия. — Для самоуверенных хирургов это почти одно и то же.
Аэран кивнул.

- Значит, я начну с основ.
- И будешь отдыхать, — добавил Антон.
- Это не относится к обучению.
- Теперь относится ко всему.

После ухода Юлии Аэран снова открыл компьютер.

Антон разрешил ему сохранить снимки и несколько учебных материалов, но заблокировал доступ через полтора часа.

Сначала Аэран изучал основы работы с устройством.

Папки.

Файлы.

Программы.

Электронные книги.

Он быстро понял общую логику. Компьютер не был разумным артефактом. Он исполнял заранее заданные команды, хранил сведения и производил вычисления с огромной скоростью.

Сложность заключалась не в принципе работы, а в количестве возможностей.

Затем Аэран открыл историю поиска прежнего владельца тела.

Максим Воронцов интересовался новыми хирургическими методиками, осложнениями после операций и редкими заболеваниями. В сохранённых материалах находились лекции, статьи и записи конференций.

Аэран открыл документ с названием:

«Клинические рекомендации. Острый аппендицит у взрослых».

Первые страницы были заполнены терминами, классификациями и уровнями доказательности.

— Что означает «уровень убедительности рекомендаций»? — спросил он.

Антон лежал на диване и смотрел в телефон.

— Насколько надёжно подтверждено, что метод работает.

— Разве недостаточно мнения опытного целителя?

— Врача.

— Врача.

— Нет. Даже очень опытный человек может ошибаться. Поэтому изучают результаты исследований, сравнивают методы, собирают данные о большом количестве пациентов.

Аэран перечитал таблицу.

— Значит, решение должно опираться не только на личный опыт.

— Именно.

— А если врач уверен?

— Уверенность не является доказательством.

Эти слова ему не понравились.

В Эларде слово высшего магистра считалось достаточным основанием для лечения. Аэран привык доверять собственным ощущениям. Он редко ошибался.

Но редко — не означало никогда.

Перед глазами возникла пятая опора.

Он тоже был уверен, что проверил её.

— Разумный принцип, — признал Аэран.

— Запишу дату. Максим Воронцов согласился с протоколом.

Антон вернулся к телефону.

Аэран продолжил читать.

Один текст сменял другой. Диагностика. Показания к операции. Обезболивание. Антибиотикопрофилактика. Возможные осложнения.

Он не замечал времени, пока на экране не появилось уведомление об окончании сеанса.

— Ещё полчаса, — попросил он.

— Нет.

— Я не устал.

— У тебя дрожат руки.

Аэран посмотрел на пальцы.

Антон был прав.

Он закрыл документ.

— Почему в интернете встречаются противоречивые сведения?

— Потому что писать там может почти каждый.

— Тогда как отличить знание от заблуждения?

— Проверять источники. Смотреть, кто автор, где опубликовано, на какие исследования он ссылается. Для медицины — официальные рекомендации, научные статьи, учебники.

— Значит, интернет не является хранилищем истины.

— Конечно нет.

— Это хранилище человеческих мыслей. Верных и ошибочных.

— Именно.

— Тогда он опаснее обычной библиотеки.

Антон улыбнулся.

— Ты учишься пугающе быстро.

Телефон Аэрана лежал рядом. Он взял его, пытаясь открыть поиск, но случайно удержал боковую кнопку.

Устройство издало звук.

— Чем я могу помочь? — спросил женский голос.

Аэран замер.

Антон закрыл лицо ладонью.

— Это голосовой помощник, — заранее объяснил он. — Женщины внутри нет.

— Я уже понял.

— Тогда почему молчишь?

Аэран внимательно посмотрел на экран.

— Она понимает речь?

— Простые команды и вопросы.

— Кто создал антибиотики? — спросил он у телефона.

— Открытие пенициллина связывают с Александром Флемингом, который в 1928 году обнаружил антибактериальные свойства плесени *Penicillium*, — ответило устройство.

На экране появилась дополнительная информация.

Аэран медленно перевёл взгляд на Антона.

— Она ответила.

— Да.

— Голосовое заклинание поиска.

— Программа.

— Название не меняет сути.

Он снова обратился к телефону:

— Как действует пенициллин?

Устройство начало объяснять механизм нарушения синтеза клеточной стенки бактерий.

Аэран слушал, не перебивая.

Люди научились находить невидимых возбудителей болезней. Выращивали их, изучали, создавали вещества, которые уничтожали одни клетки и сохраняли другие. Видели органы

сквозь тело. Поддерживали дыхание машинами. Возвращали сердцу правильный ритм электрическим ударом.

И для всего этого им не требовалось родиться с даром.

Они не были беспомощными существами, лишёнными магии.

Они просто создали её сами.

И назвали наукой.

Телефон закончил объяснение.

— Продолжить поиск? — спросил голосовой помощник.

— Да, — ответил Аэран. — Начнём с самого начала.

Глава 6. Возвращение в белом

Через одиннадцать недель после аварии Максим Воронцов вернулся в больницу.
Не врачом.

Пока только человеком в белом халате, которому разрешили находиться рядом с врачами.

В заключении медицинской комиссии это называлось «поэтапным возвращением к профессиональной деятельности с ограничением физической нагрузки и обязательным контролем наставника».

Сергей Павлович сформулировал проще:

— Смотришь, слушаешь, вспоминаешь. Самостоятельно никого не лечишь. В операционнуюходишь только с моего разрешения. К пациентам с инструментами не приближаешься.

— Я понял с первого раза.

— Повтори.

— Никакой самостоятельной работы. Никаких операций. Никаких назначений без проверки.

— И никаких ночных дежурств.

— Это не было указано в первых трёх пунктах.

— Поэтому я добавил четвёртый.

Максим застегнул халат.

За прошедшие недели он уже привык к новому лицу, имени и голосу. Научился пользоваться телефоном, оплачивать покупки картой, заказывать еду и отличать рекламу от действительно полезных сообщений.

Даже лифт больше не вызывал желания проверить защитный контур.

С телом тоже стало легче.

Трость требовалась лишь при долгой ходьбе. Перелом срастался хорошо, дыхание восстановилось, головные боли возникали всё реже. Врачи называли скорость его выздоровления отличной.

Максим знал, что без нескольких осторожных магических воздействий восстановление заняло бы больше времени. Он не пытался исцелить себя полностью. Только слегка поддерживал естественные процессы, не позволяя изменениям стать слишком заметными на снимках.

Оставшееся время он учился.

Анатомия современного человека почти не отличалась от анатомии жителей Эларда. Зато названия, методы обследования, лекарства и правила лечения превращали знакомое тело в совершенно новую область знаний.

Максим прочитал несколько учебников по хирургии. Посмотрел десятки лекций. Разобрал собственную историю болезни. Составил таблицы препаратов и их взаимодействий.

Чем больше он узнавал, тем яснее понимал масштаб незнания.

В Эларде он мог по одному прикосновению определить направление повреждения жизненного потока. Здесь от врача требовалось сопоставить жалобы, осмотр, результаты лаборатории, изображения внутренних органов, действие лекарств, сопутствующие болезни и десятки факторов риска.

Магическое зрение давало преимущество.

Но преимущество не заменяло знаний.

— Нервничаешь? — спросил Сергей Павлович.

— Нет.

— Тогда почему уже минуту застёгиваешь одну пуговицу?

Максим посмотрел на руки.

Действительно, одна и та же пуговица трижды оказывалась не в той петле.

— Тело ещё не полностью восстановилось.

— Конечно. Руки дрожат исключительно из-за тела.

Максим поправил халат и посмотрел на себя в узкое зеркало комнаты персонала.

Белая ткань вызвала неожиданную реакцию.

Короткая вспышка памяти.

Максим — прежний Максим — быстро идёт по коридору, на ходу застёгивая халат. Кто-то зовёт его из ординаторской. Он поднимает руку, обещая вернуться через пять минут.

Воспоминание исчезло.

Такие вспышки возникали всё чаще. Они не возвращали личность прежнего хозяина тела, но помогали ориентироваться в его жизни.

— Коридоры я помню, — произнёс Максим.

Сергей Павлович внимательно посмотрел на него.

— Какие именно?

— Отсюда до хирургического отделения. На третьем этаже нужно повернуть направо. Ординаторская находится в конце коридора. Операционный блок — через стеклянные двери.

— Хорошо.

— Но не помню ни одной операции.

— Память может возвращаться частями.

— А может не вернуться.

— Может.

Сергей Павлович не стал утешать его ложными обещаниями. За это Максим уважал наставника.

— Именно поэтому сегодня ты только наблюдаешь, — продолжил он. — Если станет плохо — сразу говоришь. Не пытаешься доказать, что сильнее собственного организма.

— Я умею оценивать свои возможности.

— До аварии ты говорил то же самое.

Они вышли в коридор.

Больница встретила Максима запахом антисептика, быстрыми шагами и голосами из-за неплотно закрытых дверей.

Он уже бывал здесь после выписки — проходил обследования, встречался с неврологом и комиссией. Но тогда оставался пациентом.

Теперь на нём снова был белый халат.

Люди реагировали иначе.

Медсёстры здоровались. Несколько сотрудников остановились, чтобы спросить о самочувствии. Молодой врач пожал ему руку. Пожилая санитарка перекрестилась и сказала:

— Слава богу, Максим Андреевич. Мы уже не надеялись вас здесь увидеть.

Он не знал ни её имени, ни того, какие отношения связывали её с прежним Максимом.

Приходилось улыбаться и благодарить.

Версия с амнезией помогала, но не избавляла от чувства, будто он постоянно проходит проверку.

У входа в хирургическое отделение стояла Роза Сапаровна.

Она оглядела его с головы до ног.

— Хромаете.

— Незначительно.

— Устали.

— Я только пришёл.

— Значит, уже устали заранее.

- Роза Сапаровна...
- Давление утром измеряли?
- Да.
- Лекарства приняли?
- Да.
- Заключение комиссии принесли?

Максим достал папку.

Старшая медсестра просмотрела документы, будто именно ей принадлежало окончательное решение о допуске.

- Четыре часа, — сказала она. — Потом домой.
- В заключении указано шесть.
- В заключении вас не видели сегодня утром.
- Я чувствую себя хорошо.
- Это не диагноз.

Сергей Павлович кашлянул, скрывая улыбку.

- Начнём с четырёх, — решил он. — Если всё будет нормально, увеличим время.

Максим понял, что спорить бесполезно.

- Согласен.

— Вот теперь действительно кажется, что у вас была серьёзная травма головы, — сказала Роза Сапаровна. — Раньше вы со мной соглашались только под угрозой внутримышечной инъекции.

- Она всё ещё действует? — спросил Максим.
 - Проверить хотите?
 - Нет.
 - Значит, память восстанавливается.
- Она вернула документы и указала на дверь ординаторской.
- Вам туда. Инна Марковна ждёт.

Инна Марковна сидела за компьютером, окружённая папками, листами и разноцветными наклейками. На экране было открыто сразу несколько окон.

— Воронцов! — обрадовалась она. — Наконец-то. Я уже думала, вас придётся заново регистрировать как нового сотрудника.

Максим остановился.

- Это возможно?
- В нашей системе возможно всё, кроме того, что действительно нужно.

Она указала на соседний стул.

- Садитесь. Будем восстанавливать доступ.
- К чему?

Инна Марковна медленно сняла очки.

- К медицинской информационной системе.
- Я знаю, что это.
- Слава богу. А пароль помните?
- Нет.
- Логин?
- Нет.
- Кодовое слово?
- Нет.
- Номер служебного телефона?
- Нет.

Она посмотрела на Сергея Павловича.

— Вы уверены, что привели того человека?

— Иногда я тоже сомневаюсь.

Инна Марковна открыла новое окно.

— Ладно. Сбросим пароль. Введите новый. Не меньше двенадцати символов, заглавная буква, строчная, цифра и специальный знак.

Максим посмотрел на строку.

— Зачем такие требования?

— Безопасность.

— Кто станет похищать мои записи?

— Там не только ваши записи. Там истории болезней пациентов.

— Тогда доступ следует защитить личной печатью врача.

Инна Марковна подняла глаза.

— Какой печатью?

— Электронной.

Он вовремя вспомнил нужное слово.

— Электронная подпись есть, — сказала она. — Но сначала пароль.

Максим ввёл сочетание символов.

Система отказалась его принимать.

Пароль не должен содержать имя пользователя.

Он изменил вариант.

Пароль не соответствует политике безопасности.

— Почему?

— Вы использовали последовательные цифры.

Третья попытка оказалась успешной.

Сразу после входа система потребовала изменить временный пароль.

— Я только что его создал.

— Это был временный.

— Он существовал меньше минуты.

— Зато теперь небезопасен.

Максим посмотрел на Сергея Павловича.

— Вы тратите на это рабочее время?

— Много.

— Вместо лечения пациентов?

— Иногда больше, чем на лечение.

— И никто не пытался изменить систему?

Инна Марковна рассмеялась.

— Все пытались. Поэтому у нас вышло последнее обновление.

— Оно помогло?

— После него перестала открываться половина разделов.

Максим медленно выдохнул.

— Я начинаю понимать, почему у врачей этого мира так часто повышается давление.

— Вы ещё отчёты не видели, — заметила Инна Марковна.

После смены пароля на телефон пришёл цифровой код.

Максим ввёл его.

Система сообщила, что время подтверждения истекло.

Пришлось повторить.

Через десять минут доступ наконец открылся.

Перед ним появились списки пациентов, результаты анализов, назначения и записи врачей.

Максим забыл о раздражении.

Каждая история болезни была собрана в одном месте. Он мог увидеть изменения показателей, заключения специалистов, снимки, операции и все назначенные препараты.

— Ничего не подписываете и не отправляете без Сергея Павловича, — предупредила Инна Марковна. — Ваш доступ пока ограничен.

— Я понял.

— И не открывайте истории пациентов, которых не лечите.

— Почему?

— Врачебная тайна.

— Разумно.

— Надо же. Хоть кто-то с первого раза не спросил, как система узнает, что ему просто любопытно.

Максим посмотрел на список.

— А она узнает?

— Все действия записываются.

Он убрал руку от мыши.

В этом мире даже хранилища знаний наблюдали за теми, кто ими пользовался.

Первый обход оказался сложнее, чем Максим ожидал.

Не из-за пациентов.

Из-за людей, которые окружали каждого больного.

Сергей Павлович шёл впереди. Рядом находились ординатор, две медсестры, молодой хирург и Роман Зорин.

Роман был высоким, аккуратно выбритым мужчиной с холодным взглядом. Он поздоровался с Максимом без особой радости.

— Воскресший вернулся.

— Так утверждают документы, — ответил Максим.

— Говорят, память потерял.

— Частично.

— Удобно. Можно не помнить собственные ошибки.

— Ты готов мне их напомнить?

— Все не успею. Рабочий день закончится.

Сергей Павлович обернулся.

— Зорин, если у тебя избыток свободного времени, займись выписками.

Роман замолчал, но взгляд остался настороженным.

В первой палате лежали трое пациентов после операций. Максим остановился возле пожилого мужчины.

— Борис Степанович, как ночь? — спросил Сергей Павлович.

— Если бы не боль, была бы хорошей.

— Где болит?

Мужчина указал на живот. Два дня назад ему провели операцию по поводу ущемлённой грыжи. Рана выглядела спокойно, температура оставалась нормальной.

Максим встал рядом.

Ему достаточно было протянуть внутреннее зрение, чтобы почувствовать состояние тканей. Но он не сделал этого.

Сначала медицина.

Он внимательно осмотрел пациента, отметил цвет кожи, частоту дыхания, положение тела. В памяти всплывали отдельные навыки Максима Воронцова.

— Можно? — спросил он у Сергея Павловича.

Наставник кивнул.

Максим осторожно коснулся живота пациента.

Пальцы автоматически нашли правильное положение. Он провёл поверхностную пальпацию, наблюдая за реакцией мужчины.

Под рукой ощущалось напряжение мышц, но признаков серьёзного осложнения он не заметил.

Лишь после этого Максим позволил крошечной нити магии скользнуть вглубь.

Ткани вокруг раны были воспалены, как и следовало ожидать после операции. Кишечник работал медленнее. Опасного повреждения, скопления крови или разрыва не было.

— Локальная болезненность в области вмешательства, — сказал Максим. — Выраженного напряжения за пределами раны нет.

Сергей Павлович одобрительно кивнул.

— Что ещё проверим?

Максим посмотрел на лист наблюдений.

Давление.

Пульс.

Температура.

Работа кишечника.

Количество мочи.

Результаты крови.

— Нужно оценить динамику гемоглобина и воспалительных показателей. Уточнить, отходили ли газы и был ли стул.

— Уже лучше, — сказал наставник. — Борис Степанович, газы отходят?

— Со вчерашнего вечера.

— Тошнота?

— Нет. Только боль мешает.

Сергей Павлович повернулся к Максиму:

— Что назначишь от боли?

Телесная память сразу предложила знакомое название.

— Кеторолак.

— Дозировка?

Максим назвал стандартную дозу, которую нашёл в одном из учебных материалов.

Сергей Павлович не ответил.

Роман слегка усмехнулся.

— Может, сначала посмотришь анализы? — спросил он.

Максим открыл данные пациента.

Показатель функции почек был значительно нарушен.

Он понял ошибку.

Но не всю.

— Снижение функции почек, — сказал Максим. — Нужна коррекция дозы или другой препарат.

— И это не единственная проблема, — произнёс Сергей Павлович. — У него язвенная болезнь в анамнезе, он принимает антикоагулянт из-за фибрилляции предсердий. Нестероидные противовоспалительные увеличат риск кровотечения.

Максим снова просмотрел историю.

Сведения находились перед ним.

Он просто не связал их воедино.

— Я не учёл сопутствующие заболевания.

— Ты после аварии фармакологию вообще забыл?

Слова прозвучали резко.

В палате стало тихо.

Борис Степанович переводил взгляд с одного врача на другого.

— Назначение не было сделано, — спокойно ответил Максим.

— Потому что я стоял рядом.

Сергей Павлович взял планшет.

— Здесь нельзя выбрать препарат только потому, что он знаком. Пациент — не отдельная рана. У него есть возраст, почки, желудок, сердце и лекарства, которые уже действуют в организме.

— Я понимаю.

— Пока только теоретически.

Максим выдержал его взгляд.

— Именно поэтому я нахожусь под вашим контролем.

Сергей Павлович немного смягчился.

— Хорошо, что понимаешь. Но второй раз подобного вопроса я задавать не хочу.

Он изменил схему обезболивания и объяснил решение молодому ординатору.

Максим слушал особенно внимательно.

Роман больше не усмехался.

Ошибка была очевидной.

И опасной.

В Эларде целитель мог почувствовать, как вещество влияет на жизненные потоки, и остановить лечение при первых признаках вреда. Здесь лекарство продолжало действовать после того, как врач уходил.

Неосторожное назначение могло причинить больше вреда, чем неверное заклинание.

Уверенности было недостаточно.

Даже знания одного препарата было недостаточно.

Требовалось видеть всю систему.

В следующей палате Максим не произнёс ни одного назначения, пока не изучил историю полностью.

После обхода Сергей Павлович привёл его в небольшой кабинет.

— Садись.

Максим сел.

— Ты хорошо осматривал пациента, — сказал наставник. — Руки помнят. Глаз тоже работает. Но с препаратами всё плохо.

— Я изучал фармакологию.

— Читать таблицы недостаточно.

— Я уже понял.

— Насколько большие пробелы?

Максим мог сказать, что скоро всё вспомнит. Что ему требуется ещё несколько недель. Что ошибка произошла из-за волнения.

Но ложная уверенность стала бы опаснее признания.

— Значительные, — ответил он. — Названия некоторых препаратов кажутся знакомыми. Я понимаю общие принципы, но не всегда помню дозировки, противопоказания и взаимодействия.

— Почему не сказал комиссии прямо?

— Сказал. В заключении указана частичная утрата профессиональных знаний.

— «Частичная» — растяжимое понятие.

— Теперь вы знаете точнее.

Сергей Павлович вздохнул и сел напротив.

— Хорошо. Самостоятельных назначений не будет. Составим программу восстановления. Хирургия, фармакология, протоколы, неотложные состояния. Будешь работать с учебными историями болезней.

— Согласен.

— И пойдёшь к Елене Кравцовой.

— Клиническому фармакологу.

— Помнишь её?

— Нет. Но Юлия предупреждала, что она может меня убить.

— Только если попытаешься спорить.

— Я постараюсь выжить.

Сергей Павлович улыбнулся.

— Это у тебя в последнее время неплохо получается.

В дверь постучали.

В кабинет заглянула Аида.

— Сергей Павлович, в приёмном покое нужна консультация хирурга. Женщина, двадцать девять лет. Боль в животе, температура, тошнота. Дежурный врач подозревает острый аппендицит, но пациентка отказывается ложиться, пока не закончит какой-то важный разговор.

Из коридора донёсся женский голос:

— Я не отказываюсь от лечения! Я прошу дать мне пять минут! Если они сейчас разрежут ткань, мы потеряем весь заказ!

Аида устало прикрыла глаза.

— Телефон забрать не даёт.

Сергей Павлович поднялся.

— Идём посмотрим.

Максим тоже встал.

Наставник посмотрел на него.

— Только наблюдаешь.

— Я помню.

Они вышли в коридор.

Возле приёмного покоя стояла каталка. На ней сидела молодая женщина в строгом бежевом костюме, прижимая одну руку к правой стороне живота. Другой она держала телефон.

Лицо у неё было бледным, но голос звучал твёрдо:

— Милана, слушай внимательно. Не трогайте красное платье. Я приеду и сама проверю выкройку.

Она закончила разговор и подняла глаза на врачей.

— Кто из вас может быстро объяснить, что со мной, а потом отпустить?

Сергей Павлович посмотрел на Максима.

— Добро пожаловать обратно в хирургию, Воронцов.

Максим встретился взглядом с незнакомой пациенткой.

В тот момент ни один из них ещё не знал, насколько сильно эта встреча изменит их жизни.

Глава 7. Неудобная пациентка

Молодая женщина на каталке выглядела так, словно попала в больницу по досадному недоразумению и собиралась исправить его в ближайшие пять минут.

Строгий бежевый костюм сидел безупречно, несмотря на то что пиджак был расстёгнут, а одна брючина слегка помялась. Тёмно-каштановые волосы она собрала в низкий хвост. На запястье блестели тонкие часы, в руке находился телефон.

Только слишком бледное лицо и ладонь, прижатая к правой нижней части живота, выдавали её настоящее состояние.

— Кто из вас может быстро объяснить, что со мной, а потом отпустить? — повторила она.

— Быстро объяснить можем, — ответил Сергей Павлович. — Отпустить — вряд ли.

— Вы ещё меня не осмотрели.

— А вы уже решили уйти.

— У меня через три часа сдача коллекции заказчику.

— Через три часа у вас может начаться перитонит.

Женщина замолчала.

— Вы всегда начинаете с худшего варианта? — спросила она.

— Только когда пациент пытается уйти до обследования. Как вас зовут?

— Дарья Ланская.

Аида передала Сергею Павловичу документы.

— Двадцать девять лет. Боль около полутора суток. Температура при поступлении — тридцать восемь и два. Давление сто пять на шестьдесят пять, пульс сто восемь. Один раз была рвота.

— Не рвота, а тошнота, — поправила Дарья.

— Вы сами сказали, что вас вырвало утром.

— Один раз. После кофе. Это мог быть плохой кофе.

— Кофе не вызывает локальную боль справа и температуру, — сказал Сергей Павлович.

— Иногда вызывает желание умереть, — заметила Дарья. — Особенно тот, который продают возле моего ателье.

Аида отвернулась.

Максим сохранил серьёзное выражение.

Шутка была понятна. Это уже считалось успехом.

— В смотровую, — распорядился Сергей Павлович. — Максим, идёшь со мной. Аида, анализы уже взяли?

— Да. Кровь, биохимия, общий анализ мочи. Тест на беременность тоже отправили.

Дарья устало прикрыла глаза.

— Может, сначала спросить, возможно ли это?

— Мы спрашивали, — сказала Аида. — Вы в это время объясняли кому-то, почему нельзя шить шёлк иглой для джинсовой ткани.

— Потому что нельзя.

— А анализы мы всё равно обязаны проверить, — вмешался Сергей Павлович. — При боли в животе у молодой женщины нужно исключить не только хирургические, но и гинекологические причины.

Дарья убрала телефон в сумку.

— Хорошо. Осматривайте.

Она попыталась подняться с каталки и тут же побледнела ещё сильнее.

Максим автоматически шагнул вперёд, поддержал её за локоть и помог лечь обратно.

На краткое мгновение между его пальцами и её кожей возник контакт.

Внутреннее зрение отозвалось раньше, чем он успел его остановить.

Горячее воспаление.

Не разлитое по всему животу — пока сосредоточенное справа, глубже, чем указывала ладонь. Рядом с источником ощущалась тяжёлая, пульсирующая область, будто ткани пытались оградить опасность от остального организма.

Процесс шёл давно.

Дольше, чем говорила Дарья.

Максим сразу разорвал контакт.

Магическое ощущение оставило после себя слабую боль в висках.

Дарья посмотрела на него.

— Что?

— Ничего.

— Вы так резко убрали руку, словно я вас ударила током.

— Я не ожидал, что вы попытаетесь встать.

— Я тоже не ожидала, что это окажется так сложно.

Сергей Павлович заметил их разговор, но ничего не сказал.

В смотровой Дарья наконец отдала телефон Аиде.

Не добровольно.

Сергей Павлович сообщил, что в противном случае запишет в истории болезни отказ пациентки от полноценного осмотра.

— Это шантаж, — сказала Дарья.

— Медицинская документация.

— Телефон останется здесь?

— Аида будет держать его в поле вашего зрения.

— И если позвонят из ателье?

— Мир переживёт десять минут без вас.

— Вы не знаете моих сотрудников.

— Зато я знаю аппендикс. Он значительно опаснее сотрудников.

Дарья легла на кушетку.

Максим встал у стены, оставляя осмотр наставнику. Ему следовало только наблюдать.

— Когда появилась боль? — спросил Сергей Павлович.

— Вчера утром.

— Где болело сначала?

— В центре. Возле желудка. Я решила, что не позавтракала.

— Потом?

— К вечеру сместилось вправо.

— Боль усиливалась?

— Да.

— Почему не обратились раньше?

— Выпила обезболивающее.

— Какое?

Дарья назвала препарат.

Максим узнал его. Нестероидное противовоспалительное средство. Оно могло уменьшить боль и температуру, но не остановить причину.

— Сколько таблеток?

— Две вчера. Одну сегодня утром.

Сергей Павлович нахмурился.

— Ещё что-нибудь принимали?

— Спазмолитик. И антибиотик.

— Какой антибиотик?

— Не помню. Оставался дома после ангины.

В комнате повисла тишина.

— Вы принимали случайный антибиотик? — уточнил Сергей Павлович.

— Не случайный. Мне его когда-то назначал врач.

— От другого заболевания, в другой дозировке и на другой срок.

— Я понимаю, что это было неправильно.

— Хорошо, что понимаете.

Дарья перевела взгляд на Максима.

— А он почему молчит?

— Наблюдает, — ответил Сергей Павлович.

— Он студент?

Максим слегка приподнял бровь.

— Врач.

— Тогда почему наблюдает?

— Возвращается к работе после аварии.

Дарья ещё раз внимательно посмотрела на него. Её взгляд задержался на шраме возле виска и трости, оставленной у двери.

— Вы тот самый хирург, который выжил после остановки сердца?

Вопрос прозвучал неожиданно.

— По всей видимости, — ответил Максим.

— О вас писали в городских новостях.

Он не знал об этом.

— Новости склонны преувеличивать.

— Четыре минуты клинической смерти — это преувеличение?

— Три минуты сорок семь секунд, — поправил Сергей Павлович. — Максим, не отвлекай пациентку.

— Это я его отвлекла, — сказала Дарья.

— Тогда не отвлекайте врача. Расслабьте живот.

Она попыталась выполнить просьбу.

Сергей Павлович начал осмотр с левой стороны, медленно перемещая ладонь. Когда пальцы приблизились к правой подвздошной области, Дарья резко вдохнула и напряглась.

— Здесь?

— Да.

— Боль отдаёт куда-нибудь?

— В поясницу. Иногда ниже.

Сергей Павлович осторожно убрал руку.

Дарья вскрикнула и сердито посмотрела на него.

— Вы специально?

— Проверял признаки раздражения брюшины.

— Можно было предупредить.

— Тогда вы заранее напрягли бы мышцы.

— Значит, всё-таки обманули.

— Немного.

Он снова осмотрел живот, затем предложил Дарье согнуть правую ногу. Движение усилило боль.

— Нужно УЗИ, — сказал Сергей Павлович. — И дождаться анализов.

— Сколько это займёт?

— Столько, сколько потребуется.
— Мне нужен хотя бы примерный срок.
— До утра вы точно останетесь в больнице.
Дарья села, придерживая живот.
— Я не могу.
— Можете.
— У меня важная примерка. Клиентка прилетела на один день.
— Перенесёте.
— Она не перенесёт.
— Тогда ей придётся примерить платье без вас.
Дарья протянула руку за телефоном.
— Я подпишу отказ.

Максим посмотрел на Сергея Павловича. Наставник не вмешался сразу.

Значит, ждал, что скажет он.

Это тоже было испытание.

— Дарья, — произнёс Максим.

Она повернулась.

— Если вы уйдёте сейчас, то можете потерять не только заказ.

— Вы тоже решили меня напугать?

— Нет. Я пытаюсь объяснить последствия.

— Мне уже объяснили про перитонит.

— Боль началась в центре живота и переместилась вправо. У вас высокая температура, учащённый пульс, тошнота и локальное напряжение мышц. Вы принимали лекарства, которые могли временно скрыть симптомы, но не остановили воспаление.

Он говорил спокойно, перечисляя только медицинские признаки.

— Если это осложнённый аппендицит, промедление увеличит риск разрыва воспалённого отростка, распространения инфекции и более тяжёлой операции. Тогда вы выпадете из работы не на несколько дней, а значительно дольше.

Дарья молчала.

— А если это не аппендицит?

— Именно поэтому нужно обследование.

— Вы уверены, что всё серьёзно?

Максим вспомнил горячий узел, который почувствовал при прикосновении.

— У нас достаточно оснований не отпускать вас без проверки.

— Это не ответ.

— Другого честного ответа пока нет.

Она продолжала смотреть ему в глаза, словно пыталась определить, скрывает ли он что-то.

— Вы всегда так разговариваете с пациентами?

— Как?

— Будто каждое слово предварительно утвердили на королевском совете.

Максим замер.

Сергей Павлович кашлянул.

Аида опустила голову, пряча улыбку.

— После аварии у меня изменилась речь, — ответил Максим.

— Понятно.

Дарья забрала телефон у Аиды, но не стала звонить.

Вместо этого написала сообщение.

— Хорошо. Я останусь до результатов обследования.

- Неожиданное проявление здравого смысла, — сказал Сергей Павлович.
- Не привыкайте.

Ультразвуковое исследование провели через сорок минут.

Максим наблюдал за экраном из-за плеча врача. Серые пятна и линии пока казались ему гораздо менее понятными, чем снимки КТ. Изображение постоянно двигалось, менялось при повороте датчика и зависело от положения пациента.

— Аппендикс чётко не визуализируется, — сказала врач ультразвуковой диагностики. — В правой подвздошной области есть инфильтративные изменения, небольшое количество свободной жидкости. Из-за выраженного газообразования обзор ограничен.

— То есть вы ничего не нашли? — спросила Дарья.

— Мы нашли косвенные признаки воспаления, — ответил Сергей Павлович. — Но для точного решения этого недостаточно.

— Что дальше?

— Ждём лабораторию. Вероятно, понадобится КТ с контрастированием.

— Ещё одно обследование?

— Да.

— Сколько можно искать один маленький отросток?

— Иногда маленькие части тела создают самые большие проблемы, — сказал Максим.

Дарья бросила на него быстрый взгляд.

— Это была шутка?

— Возможно.

— Ваше состояние улучшается.

Аида, стоявшая у двери, тихо фыркнула.

Когда Дарью отвезли обратно в смотровую, Сергей Павлович задержал Максима в коридоре.

— Что ты почувствовал, когда поддержал её?

Максим посмотрел на наставника.

— Почему вы решили, что я что-то почувствовал?

— Ты изменился в лице.

— У неё высокая температура.

— Это видно и без прикосновения.

Несколько секунд они молчали.

— Живот напряжён сильнее, чем я ожидал, — осторожно произнёс Максим. — В правой подвздошной области, возможно, формируется инфильтрат.

— Возможно?

— У меня возникло такое впечатление.

— На основании чего?

Максим перебрал допустимые объяснения.

— Продолжительность боли. Высокая температура. Тахикардия. Приём обезболивающих и антибиотика мог изменить картину. УЗИ показывает инфильтративные изменения.

Всё сказанное было правдой.

Просто не всей.

Сергей Павлович кивнул.

— Думаешь, уже есть перфорация?

— Не исключая ограниченную.

— Тогда КТ действительно нужно.

Он посмотрел на Максима внимательнее.

— Хорошая клиническая интуиция у тебя сохранилась.

- Интуиция должна подтверждаться обследованием.
- Это ты сам понял или Кравцова уже успела провести воспитательную беседу?
- Сам.
- Завтра познакомлю вас. Она улучшит результат.

Лабораторные показатели подтвердили воспаление.

Число лейкоцитов было значительно повышено. С-реактивный белок тоже оказался высоким. Тест на беременность — отрицательным. Анализ мочи не указывал на проблему со стороны мочевыводящей системы.

Сергей Павлович показал результаты Максиму.

— Что скажешь?

Максим внимательно изучил цифры.

— Выраженная воспалительная реакция. Вместе с клинической картиной и данными УЗИ вероятность осложнённого аппендицита высокая.

— Дальше?

— КТ брюшной полости с контрастом, если нет противопоказаний. Консультация анестезиолога. Не давать пищу и воду. Венозный доступ, инфузия. Обезболивание. Антибактериальную терапию выбрать с учётом протокола и после проверки вами.

Последнюю фразу он добавил намеренно.

Сергей Павлович улыбнулся краем губ.

— Учишься.

Они вернулись к Дарье.

Она сидела на каталке и разговаривала по видеосвязи. На экране телефона была видна светлая мастерская. За спиной девушки в очках стояли манекены и висели платья.

— Милана, покажи линию плеча ближе, — требовала Дарья. — Нет, камеру выше. Выше, я сказала. Теперь поверни платье.

Она увидела врачей.

— Подождите минуту.

— Мы получили результаты, — сказал Сергей Павлович.

Дарья сразу завершила разговор.

— Насколько всё плохо?

— В анализах выраженное воспаление. УЗИ не дало полной картины. Нужно сделать компьютерную томографию с контрастом.

— А потом?

— Если диагноз подтвердится, понадобится операция.

Дарья сжала телефон.

На мгновение деловая уверенность исчезла. Перед ними сидела молодая женщина, которой впервые стало по-настоящему страшно.

— Сегодня?

— Скорее всего.

— У меня никогда не было операций.

— У большинства людей когда-то не было первой операции, — заметил Максим.

Она посмотрела на него.

— Вы удивительно умеете успокаивать.

— Я хотел сказать, что страх естественен.

— Получилось иначе.

Максим мысленно отметил, что некоторые мысли лучше не произносить вслух.

— Операция при аппендиците относится к хорошо отработанным вмешательствам, — продолжил Сергей Павлович. — Но окончательное решение примем после КТ.

Дарья кивнула.

— Что нужно подписать?

Аида принесла документы.

Пока пациентка читала согласие на обследование, Максим почувствовал лёгкое головокружение. Четыре часа уже прошли. Нога ныла, а после краткого использования магического зрения слабость усилилась.

Роза Сапаровна появилась в коридоре так своевременно, словно обладала собственным даром обнаруживать нарушителей режима.

— Воронцов, домой.

— Я хочу увидеть результаты КТ.

— Увидите завтра.

— Пациентку обследуют сейчас.

— А вы не являетесь дежурным врачом.

Дарья подняла голову от документов.

— Он мой лечащий врач?

— Пока нет, — ответил Сергей Павлович. — Но будет наблюдать вас вместе со мной.

— Тогда пусть останется.

Все посмотрели на неё.

Дарья пожала плечами.

— Он хотя бы объясняет без лишних обещаний.

Роза Сапаровна скрестила руки.

— Пациентка через десять минут уедет на обследование, а доктор Воронцов через десять минут упадёт от усталости. Кто из них потом будет кого лечить?

— Я не упаду, — сказал Максим.

— Уже бледный.

— Это естественный цвет кожи.

— До аварии естественный цвет у вас был менее упрямый.

Сергей Павлович вмешался:

— Максим посмотрит КТ удалённо, когда вернётся домой. Доступ к своей пациентке я ему открою. Но сейчас действительно хватит.

Слово «своей» прозвучало непривычно.

У Максима снова появился пациент.

Пока только под контролем наставника, без права самостоятельно назначать лечение. Но ответственность уже ощущалась вполне настоящей.

Он повернулся к Дарье.

— Не ешьте и не пейте до решения врача.

— Я запомнила.

— И не пытайтесь уйти после обследования.

— Я ничего не обещаю.

— Тогда мне придётся попросить Аиду спрятать вашу одежду.

Дарья впервые улыбнулась.

Улыбка изменила её лицо — убрала деловую холодность и усталость, сделала неожиданно молодой.

— Доктор Воронцов, — сказала она, — я начинаю подозревать, что вы опаснее, чем кажется.

Максим вспомнил Элард, разрушенный круг и силу, которой когда-то мог остановить сердце одним прикосновением.

— Это маловероятно.

— А вот сейчас снова прозвучало очень странно.

Роза Сапаровна вручила ему трость.
— Домой, высший магистр хирургии.
Максим резко посмотрел на неё.
Старшая медсестра уже отвернулась и ничего не заметила.
Обычная шутка.
Только шутка.
Он попрощался с Сергеем Павловичем и направился к лифту.
Уже в кабине Максим достал телефон. На экране появилось уведомление о новом доступе к истории болезни.
Ланская Дарья Олеговна, 29 лет.
Лифт начал опускаться.
Максим смотрел на имя пациентки и продолжал ощущать тот горячий, пульсирующий узел, которого не смогло увидеть ультразвуковое исследование.
Он надеялся, что ошибся.
Но целитель внутри него уже знал: опасность успела зайти слишком далеко.

Глава 8. Они создали магию сами

К тому времени, когда Максим добрался до квартиры, результаты компьютерной томографии уже появились в медицинской системе.

Он снял куртку, поставил трость возле стола и открыл компьютер.

Доступ к истории Дарьи потребовал пароль, код из сообщения и электронную подпись. В первый рабочий день эта последовательность казалась издевательством. Сейчас Максим прошёл её почти машинально.

На экране появились снимки брюшной полости.

Он медленно пролистывал срезы, сравнивая увиденное с анатомическим атласом. Воспалённый аппендикс был увеличен. Окружающая жировая клетчатка выглядела изменённой. Рядом определялись небольшое скопление жидкости и пузырьки газа, которых там быть не должно.

Максим открыл заключение рентгенолога.

КТ-признаки острого деструктивного аппендицита. Вероятная локальная перфорация. Формирующийся периаппендикулярный абсцесс.

Он перечитал текст дважды.

Магическое ощущение не обмануло.

Горячий узел, который он почувствовал при прикосновении к Дарье, оказался воспалёнными тканями, пытавшимися ограничить распространение инфекции.

Но одно дело — ощутить опасность.

Другое — увидеть её на точном изображении, сохранить, измерить и показать любому подготовленному врачу.

Телефон зазвонил.

— Посмотрел? — спросил Сергей Павлович.

— Да. Локальная перфорация и формирующийся абсцесс.

— Удивлён?

— Нет.

На другом конце наступила короткая пауза.

— Ты почти дословно предположил это до КТ.

— Клиническая картина была достаточно выраженной.

— УЗИ не показало перфорацию.

— Поэтому вы назначили томографию.

— Хорошо, не хочешь рассказывать — не надо.

Максим нахмурился.

— Что именно я должен рассказать?

— Как твоя голова после аварии умудрилась забыть дозировки лекарств и сохранить настолько точное клиническое чутьё.

— Не знаю.

Это снова было почти правдой.

— Что решили делать? — спросил он.

— Оперировать. Дарья стабильна, абсцесс пока небольшой и ограниченный. Начали инфузию и антибиотики. Антон уже посмотрел её, противопоказаний к анестезии не видит. В операционную возьмём утром в семь.

— Почему не сейчас?

— Операционная занята экстренным случаем. Кроме того, несколько часов на фоне антибиотиков и наблюдения допустимы. Если состояние ухудшится, пойдём немедленно.

Максим взглянул на время.

Было около девяти вечера.

— Я приеду к семи.

— Твой рабочий день начинается в восемь.

— Вы сказали, что я буду наблюдать пациентку вместе с вами.

— Я сказал это пациентке, чтобы она перестала собираться домой.

— Значит, вы солгали?

— В медицинских целях.

— Она согласилась остаться отчасти потому, что доверилась мне.

Сергей Павлович вздохнул.

— Хорошо. Приезжай к половине седьмого. Но в операции не участвуешь. Только смотришь.

— Согласен.

— И ложись спать.

— Я должен изучить методику лапароскопической аппендэктомии.

— Ты хирург.

— С частичной утратой профессиональных знаний.

Снова пауза.

— Один час, — разрешил Сергей Павлович. — Потом спать.

— Кто будет контролировать?

— Позвоню Антону.

— Он на дежурстве.

— Значит, Юлии.

— Это злоупотребление служебными связями.

— Это единственный способ заставить тебя соблюдать режим.

Звонок завершился.

Максим ещё раз просмотрел снимки Дарьи.

Затем открыл учебное видео операции.

На этот раз он не просто наблюдал.

Он запоминал каждое движение.

В шесть часов двадцать минут Максим вошёл в хирургическое отделение.

Коридоры были почти пустыми. Ночное освещение делало стены сероватыми, из палат доносились приглушённые голоса и редкие сигналы оборудования.

У поста медсестёр сидела Аида.

— Вы рано.

— Операция назначена на семь.

— Операция у пациентки. Не у вас.

— Я буду наблюдать.

— Сергей Павлович предупредил. И Роза Сапаровна тоже.

— Она уже здесь?

— Она всегда здесь. Иногда мне кажется, что старшие медсёстры вообще не уходят домой, а просто растворяются в стенах.

Максим посмотрел на стены.

— Это шутка.

— Теперь вы определяете быстрее.

Аида передала ему лист наблюдения.

— Ночь прошла относительно спокойно. Температура снизилась до тридцати семи и семи. Боль сохраняется, давление стабильное. Один раз пыталась заказать курьера, чтобы ей привезли ноутбук.

- Вы разрешили?
- Нет.
- Почему?
- Потому что она собиралась проводить видеосовещание перед операцией.
- Разумное решение.
- Чьё? Запретить или провести совещание?
- Запретить.
- Я уже начала сомневаться.

Максим открыл электронную историю болезни. Просмотрел назначения, результаты повторного анализа крови и запись анестезиолога.

Антибактериальная терапия была начата. На этот раз он не ограничился названием препарата. Проверил дозу, функцию почек, аллергоанамнез и время введения.

- Учтён предыдущий урок? — раздался голос Сергея Павловича.

Максим обернулся.

Наставник стоял у поста в хирургической форме.

- Да.

- Против назначения возражения есть?

— Нет. Выбор соответствует осложнённой внутрибрюшной инфекции и принятому протоколу.

— Прекрасно. Ещё несколько месяцев — и я перестану бояться оставлять тебя возле списка лекарств.

Они вошли в палату.

Дарья не спала.

Она лежала на спине и смотрела в телефон. Волосы были распущены по подушке, больничная одежда заменила строгий костюм. Без деловой брони она выглядела более уязвимой, хотя взгляд оставался таким же собранным.

- Доброе утро, — сказал Сергей Павлович. — Как самочувствие?

- Болит.

- Сильнее, чем ночью?

- Примерно так же. Когда не двигаюсь, терпимо.

- Тошнота?

- Нет.

- Озноб?

- Тоже нет.

Дарья посмотрела на Максима.

- Вы всё-таки пришли.

- Я сказал, что буду наблюдать.

- Вчера вы сказали, что вас отправляют домой.

- Одно не противоречит другому.

- Обычно люди после возвращения домой остаются там хотя бы до утра.

- Утро уже наступило.

Дарья чуть улыбнулась.

Сергей Павлович осмотрел живот. Локальная болезненность сохранялась, но признаков распространённого перитонита не было.

— Операция начнётся примерно через полчаса, — сообщил он. — Лапароскопический доступ. Через небольшие проколы удалим воспалённый отросток, промоём область и при необходимости установим дренаж.

- А если лапароскопически не получится?

— Перейдём на открытый доступ. Такое возможно при выраженном воспалении или технических сложностях, но пока оснований ожидать этого нет.

— Насколько всё опасно?

— Любая операция имеет риски. В вашем случае основная опасность — уже существующая перфорация и инфекция. Поэтому откладывать вмешательство нельзя.

Дарья кивнула.

— После операции я смогу пользоваться телефоном?

Сергей Павлович закрыл историю болезни.

— Ваша настойчивость вызывает уважение.

— Это не ответ.

— Когда полностью придёте в сознание и анестезиолог разрешит.

— Значит, сегодня?

— Возможно.

— А ноутбук?

— Нет.

— Почему?

— Потому что я врач и пока обладаю властью.

— Наслаждайтесь. Это ненадолго.

Сергей Павлович вышел поговорить с операционной бригадой.

Максим остался возле двери.

Дарья отложила телефон.

— Вы будете оперировать?

— Нет.

— Почему?

— После аварии мне временно запрещена самостоятельная работа.

— Но вы хирург.

— Сейчас — наблюдатель.

— Вас это раздражает.

Это прозвучало не как вопрос.

— Ограничения редко вызывают удовольствие.

— Тогда почему вы согласились?

— Потому что человек, не знающий собственных возможностей, опасен для пациента.

Дарья задумчиво посмотрела на него.

— Большинство людей на вашем месте сказали бы, что полностью восстановились.

— Большинство людей не умирали на операционном столе.

— Вы помните это?

— Нет. Только то, что было после.

Он ответил слишком быстро.

Дарья заметила.

— А что было после?

— Реанимация.

— Я не об этом. В новостях писали, что у вас частичная потеря памяти.

— Новости удивительно осведомлены о чужой жизни.

— Значит, правда?

Максим посмотрел в окно. За стеклом только начинало светать.

— Да. Я не помню аварию, работу и многих людей.

— Но медицину помните.

— Частями.

— Вчера вы уверенно объяснили, что со мной происходит.

— Объяснить признаки болезни проще, чем безопасно выполнить операцию.

— Вы всегда отвечаете честно?

— Стараюсь.

— Это неудобное качество.

— Почему?

— Люди предпочитают уверенность. Даже ложную.

— А вы?

Дарья помолчала.

— Я предпочитаю знать, на что рассчитывать.

Максим кивнул.

— Тогда рассчитывайте, что Сергей Павлович сделает всё необходимое.

— Он хороший хирург?

— Да.

— Вы помните его работу?

— Нет.

— Тогда откуда знаете?

— Я изучил результаты его операций и наблюдал, как он принимает решения. Этого достаточно.

— А анестезиолог?

— Антон Лебедев. Мой лучший друг.

— Это должно меня успокоить?

— Он один из тех, кто вернул меня к жизни.

Дарья посмотрела на него внимательнее.

— Тогда успокоило.

В палату вошла Аида с каталкой.

— Пора.

Дарья убрала телефон в протянутый пакет.

— Если позвонит Милана, скажите, что красное платье нельзя трогать.

— Я медсестра, а не секретарь дома моды, — возмутилась Аида.

— Но вы производите впечатление человека, который способен спасти платье.

— Пациентов спасаем. Платья — по возможности.

Максим помог переложить Дарью на каталку. Прикосновения к коже он избегал. Ему не требовалась новая магическая подсказка. Диагноз уже был подтверждён.

Когда каталка двинулась к двери, Дарья вдруг протянула руку и коснулась его запястья.

— Доктор Воронцов.

— Да?

— Вы будете рядом?

В её голосе впервые не было ни иронии, ни деловой твёрдости.

Только страх.

— Я буду в операционной.

— Хорошо.

Она отпустила его руку.

Перед входом в операционный блок Максим сменил одежду, надел шапочку, маску и бахилы.

Телесная память включилась мгновенно.

Руки сами завязали маску. Тело знало, где находится помещение для обработки рук, в каком порядке надевается защитная одежда и какую дверь нельзя открывать без разрешения.

Чем ближе он подходил к операционной, тем больше становилось этих вспышек.

Холодный свет.

Запах антисептика.

Звук металлических инструментов.

Чей-то голос: «Давление падает».

Руки Максима Воронцова, уверенно удерживающие зажим.

Аэран остановился.

Две профессиональные памяти накладывались друг на друга.

В Эларде он входил в лечебный круг в длинном сером одеянии магистра. Помощники зажигали очищающие сферы. Инструменты лежали на серебряной ткани, а воздух наполнялся запахом лечебных трав.

Здесь помещение было ярко освещено. Вокруг стола стояли устройства, мониторы и стойки с препаратами. На металлическом столике лежали инструменты, некоторые из которых Аэран пока не мог назвать.

Но назначение места было тем же.

За этой дверью люди боролись со смертью.

Антон уже находился рядом с Дарьей. Он разговаривал с ней спокойным, почти ленивым тоном, одновременно проверяя оборудование.

— Сейчас введём препарат, появится сонливость. Потом вы уснёте.

— Я точно проснусь?

— Мы сделаем всё необходимое.

— Это ответ врача. А как ответит лучший друг человека, которого вы вернули после клинической смерти?

Антон взглянул на Максима.

— Быстро ты успел рассказать обо мне.

— Пациентка спросила, хороший ли ты специалист.

— И что ты ответил?

— Что ты один из тех, кто вернул меня к жизни.

Антон поправил датчик на пальце Дарьи.

— Тогда скажу как друг. Я буду рядом с вами всю операцию. Прослежу за дыханием, сердцем, давлением и каждым препаратом. Вы не останетесь одна ни на минуту.

Дарья медленно выдохнула.

— Вот это лучше.

— У вас есть последние вопросы?

— Сколько времени я буду спать?

— Около часа. Возможно, немного дольше.

— Телефон...

— Аида сохранит государственную тайну красного платья.

— Все уже знают про платье?

— Скоро будет знать вся хирургия.

Антон ввёл препарат.

Дарья посмотрела на Максима.

— Вы действительно странно разговариваете, доктор Воронцов.

— Мне уже говорили.

— Но это... не самое неприятное.

Её веки закрылись.

Антон дождался потери сознания и приступил к следующему этапу. Ввёл препараты для обезболивания и расслабления мышц, осторожно установил дыхательную трубку и подключил аппарат.

Грудь Дарьи начала подниматься в заданном ритме.

Максим наблюдал молча.

Он уже видел подобную машину со стороны пациента. Теперь впервые понимал весь процесс.

Антон не просто погружал человека в сон.

Он временно брал на себя управление дыханием, защищал от боли, поддерживал давление и следил, чтобы сердце выдержало вмешательство. На экранах отображались пульс, насыщение крови кислородом, давление и состав выдыхаемого воздуха.

Целители Эларда вводили пациентов в магический сон и удерживали жизненные потоки собственными силами. Это требовало редкого дара. Если маг слабел, пациент просыпался или переставал дышать.

Здесь часть работы выполняли лекарства и машины.

Сергей Павлович вошёл вместе с Романом Зориным.

— Максим, стоишь у монитора. К столу не подходишь, — напомнил наставник.

— Я помню.

— Если закружится голова — выходишь.

— Хорошо.

— Без споров?

— Без споров.

Роман посмотрел на него.

— Настоящая амнезия. Прежний Воронцов уже доказывал бы, что способен оперировать одной рукой.

Максим не ответил.

Операция началась.

После обработки кожи Сергей Павлович сделал небольшой разрез возле пупка. В брюшную полость ввели инструмент, затем подали углекислый газ.

Изображение появилось на большом экране.

Живые ткани заполнили всё поле зрения.

Они блестели под холодным светом камеры. Каждый сосуд, складка и участок воспаления были видны с такой ясностью, которой невозможно добиться при обычном разрезе.

Максим перестал замечать всё остальное.

Руки Сергея Павловича управляли длинными инструментами. Движения казались непривычными: хирург смотрел не на собственные руки, а на экран, чувствуя ткани через металлические стержни.

Роман осторожно отвёл петлю кишечника.

Стала видна воспалённая область.

— Инфильтрат, — произнёс Сергей Павлович. — Сальник прикрывает отросток. Работаем медленно.

Он начал разделять ткани.

Максим почувствовал знакомое напряжение. В Эларде он видел подобные защитные реакции сотни раз. Тело само пыталось ограничить источник заражения, окружая его соседними тканями.

На экране появилась полость с гнойным содержимым.

— Локальная перфорация, — сказал Роман. — Воронцов угадал.

— Не угадал, — ответил Сергей Павлович. — Предположил по клинике.

Роман бросил быстрый взгляд на Максима.

— Очень точно предположил.

Максим сосредоточился на экране.

Сергей Павлович осторожно очистил область, выделил основание аппендикса и надёжно его обработал. Воспалённый отросток поместили в специальный контейнер и извлекли через небольшой разрез.

Никакой лишней спешки.

Никаких эффектных движений.

Только точность.

После удаления источника инфекции брюшную полость промыли. В зоне абсцесса оставили тонкий дренаж.

— Завершаем, — сказал Сергей Павлович.

Максим посмотрел на часы.

Прошло меньше часа.

Дарью доставили сюда с очагом воспаления, который уже начал разрушать окружающие ткани. Через несколько небольших проколов врачи нашли источник, удалили его, очистили полость и всё это время поддерживали сон, дыхание и работу сердца.

Без единого заклинания.

Антон прекратил подачу части препаратов. Через некоторое время мышцы Дарьи начали восстанавливать работу. Она сделала первый самостоятельный вдох.

Затем второй.

Аппарат был отключён. Дыхательную трубку удалили после того, как Антон убедился, что она может дышать сама.

— Всё стабильно, — сообщил он.

Максим неожиданно почувствовал, как сильно был напряжён.

— Впечатлило? — спросил Роман, снимая перчатки.

— Да.

— Ты провёл сотни таких операций.

— Я их не помню.

— Тогда завидую. Вновь увидеть лапароскопию в первый раз — редкая возможность.

В голосе Романа впервые не было насмешки.

— Вы не чувствуете ткани напрямую, — произнёс Максим. — Но видите их лучше, чем при открытом вмешательстве.

— Иногда лучше, иногда нет. Камера тоже может обмануть. Поэтому нужно знать, что ищешь.

Сергей Павлович посмотрел на Максима.

— Именно. Запомни это. Ни один прибор не думает вместо врача.

— Но позволяет увидеть то, что раньше было скрыто.

— Для этого его и создавали.

Максим перевёл взгляд на Дарью.

Она ещё спала. Монитор показывал ровный ритм сердца.

Люди этого мира не умели чувствовать жизненные потоки.

Вместо этого они научили металл видеть.

Научили машины дышать.

Научили лекарства выключать боль и возвращать сознание.

А затем называли всё это обычной медициной.

Дарья окончательно пришла в себя уже в послеоперационной палате.

Максим находился рядом с Сергеем Павловичем, когда она открыла глаза.

Несколько секунд её взгляд оставался мутным. Затем она узнала врачей.

— Всё? — прошептала она.

— Всё, — ответил Сергей Павлович. — Аппендикс удалили. Была небольшая перфорация и ограниченный абсцесс. Мы очистили область и установили дренаж.

— Это плохо?

— Это осложнение. Но мы обнаружили его вовремя. Сейчас ваше состояние стабильное. Дарья перевела взгляд на Максима.

— Вы были там?

— Да.

— Не ушли?

— Нет.

Она прикрыла глаза.

— Хорошо.

Через несколько секунд снова открыла.

— Телефон.

— Дарья, — устало произнёс Сергей Павлович.

— Мне нужно написать одно сообщение. Только одно.

Аида, стоявшая у двери, подняла прозрачный пакет.

— Телефон здесь. Красное платье тоже в безопасности. Милана звонила четыре раза.

— Вы ответили?

— Один раз.

— И что сказали?

— Что директор дома моды временно находится под управлением хирургического отделения.

Дарья попыталась улыбнуться, но поморщилась от боли.

— Вы страшный человек, Аида.

— Я училась у Розы Сапаровны.

— Тогда вопросов нет.

Сергей Павлович проверил повязки и показатели.

— Первые часы не вставать. Воду — небольшими глотками после разрешения. Если усилится боль, появится тошнота или станет трудно дышать, сразу говорите медсестре.

— Сколько я здесь пробуду?

— Несколько дней. Точнее скажем по состоянию.

— Несколько?

— У вас был не простой аппендицит.

Дарья посмотрела на Максима, словно ожидала, что он предложит другой ответ.

— Сергей Павлович прав, — сказал он. — Вам нужно лечение и наблюдение.

— Я уже жалею, что вчера назвала вас честным.

— Честность редко бывает удобной.

Она слишком устала, чтобы спорить.

Сергей Павлович передал Максиму планшет.

— Будешь вести наблюдение вместе со мной. Осмотр, динамика температуры, анализы, работа кишечника, состояние дренажа. Все назначения согласовываешь.

— Понял.

— И не сидишь возле пациентки круглосуточно. У тебя ограниченный режим.

— Я помню.

Дарья приоткрыла глаза.

— Значит, вы всё-таки мой лечащий врач?

Максим посмотрел на Сергея Павловича.

— Под наблюдением наставника.

— У вас всё с оговорками.

— Это защищает пациентов.

— А я думала, врачи просто любят сложные формулировки.

— Иногда и это.

Дарья снова закрыла глаза.

Максим посмотрел на её спокойное лицо, затем на монитор.

Пульс был немного учащён, но ровен. Давление стабильное. Дыхание самостоятельное.

Он мог использовать магию и ускорить восстановление тканей. Мог уменьшить воспаление и снять часть боли.

Но сейчас в этом не было необходимости.

Операция устранила источник инфекции. Антибиотики боролись с бактериями. Аппаратура следила за состоянием. Рядом находились медсёстры и врачи.

Магия не требовалась для того, что люди уже умели делать сами.

И почему-то это не задевало его гордость.

Наоборот.

Впервые с момента пробуждения в чужом мире Аэран почувствовал не одиночество, а уважение.

Он поправил край одеяла Дарьи и тихо вышел из палаты.

В пустом коридоре раздался едва слышный звук.

Будто маленькие когти на мгновение царапнули металл вентиляционной решётки.

Максим остановился и прислушался.

Звук не повторился.

Он посмотрел на белый потолок, но не почувствовал ни малейшего следа магии.

Наверное, обычная больничная мышь.

В мире без волшебства другого объяснения не требовалось.

Глава 9. Запах горячего железа

К вечеру температура Дарьи снова поднялась.

Тридцать восемь и одна.

Для первых суток после операции это не считалось чем-то необычным, особенно после перфоративного аппендицита и ограниченного абсцесса. Но Максим трижды проверил результаты анализов, состояние дренажа и назначения.

— Вы смотрите на этот градусник так, словно он лично вас оскорбил, — сказала Дарья.

Она полусидела на кровати, придерживая одной рукой живот. В другой руке находился телефон. Но разговаривала она не с сотрудниками ателье, а с врачом.

Это уже было достижением.

— Температура указывает на сохраняющуюся воспалительную реакцию, — ответил Максим.

— Сергей Павлович сказал, что в первые сутки такое бывает.

— Бывает.

— Тогда почему вы хмуритесь?

Максим посмотрел на неё.

— Вы наблюдаете за выражением лица врача вместо того, чтобы отдыхать.

— Ваше лицо находится прямо передо мной. Избежать наблюдения сложно.

— Боль усилилась?

— Нет.

— Озноб?

— Немного.

— Тошнота?

— Нет.

— Головокружение?

— Только от количества одинаковых вопросов.

Максим проверил пульс. Он оставался учащённым, но соответствовал температуре и послеоперационному состоянию.

Затем осмотрел повязки и дренаж. Количество отделяемого не увеличилось, тревожных признаков не было.

Магическое зрение он не использовал.

Пока для этого не существовало медицинских оснований.

— Я позову Аиду, чтобы она дала назначенное жаропонижающее, — сказал Максим. — Через час измерим температуру повторно.

— А ноутбук?

— Нет.

— Вы даже не подумали.

— Я думал об этом утром.

— С тех пор моё состояние улучшилось.

— Температура повысилась.

— Я могу работать лёжа.

— Вы можете отдыхать лёжа.

— Это разные вещи.

— Именно.

Дарья отложила телефон.

— Доктор Воронцов, вы понимаете, что у меня собственный бизнес?

— Да.

— Три ателье, двадцать семь сотрудников, поставщики, аренда и заказ, который нужно сдать через два дня.

— Теперь понимаю подробнее.

— Если я не буду контролировать работу, начнётся хаос.

— Значит, вы неправильно организовали управление.

Дарья медленно повернула голову.

— Что?

Максим понял, что сказал лишнее, но отступить было поздно.

— Если отсутствие одного человека на несколько дней останавливает всё предприятие, система управления ненадёжна.

— Вы сейчас решили учить меня вести бизнес?

— Нет. Я объясняю, почему вы должны позволить сотрудникам действовать самостоятельно.

— Мои сотрудники прекрасно действуют самостоятельно.

— Тогда ноутбук вам не нужен.

Несколько секунд Дарья молча смотрела на него.

Затем взяла телефон и написала сообщение.

— Кому вы пишете?

— Милане. Передаю, что мой врач считает наш дом моды ненадёжно организованным.

— Я не говорил о доме моды. Только о системе управления.

— Обязательно уточню.

Максим уже привык к тому, что разговоры с Дарьей часто заканчивались не там, где он ожидал.

Дверь открылась.

В палату вошла Аида с небольшим подносом.

— Время лекарств.

Она проверила браслет Дарьи, сверила назначения и протянула ей таблетки.

Максим наблюдал за каждым действием.

— Максим Андреевич, — сказала Аида, не оборачиваясь, — вы мне не доверяете?

— Доверяю.

— Тогда почему стоите над душой?

— У человека нет отдельного места над душой.

Аида замерла.

Дарья прикусила губу.

— Это выражение, — объяснила медсестра. — Означает, что вы слишком внимательно контролируете.

— Понятно.

— Он после аварии, — сказала Дарья. — Иногда разговаривает как человек, которого разморозили после нескольких столетий.

Максим посмотрел на неё.

— Вы обсуждаете своего врача в его присутствии.

— Так честнее.

Аида передала Дарье воду.

— А вы быстро нашли общий язык.

— Нет, — одновременно ответили они.

Медсестра улыбнулась.

— Конечно.

В восемь вечера Максим должен был уйти домой.

В восемь пятнадцать он ещё находился в ординаторской и просматривал повторный анализ крови Дарьи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.